

МИХАИЛ АВЕРИН

**БЛАГОДАРЕНИЕ
ПАМЯТИ**

Петропавловск 1999 г.

2016

2020

МИХАИЛ АВЕРИН

БЛАГОДАРЕНИЕ ПАМЯТИ

Петропавловск

филиал СУИС в РК

1999 г.

Аверин Михаил Михайлович родился в 1911 г. в ст. Новопавловке. Участник Великой Отечественной войны, кавалер боевых наград, четверть века посвятил развитию кинофикации Северо – Казахстанской области, удостоен звания «Отличник кинематографии СССР», персональный пенсионер.

Много лет работал в жанре драматургии. Его пьеса «На берегах Ишима» в начале 60 – х годов входила в репертуар областного драматического театра им. Погодина. Ныне писатель плодотворно работает в жанре документальной и художественной прозы, публицистики, как очеркист – эколог. Любимая форма прозаика – короткие не придуманные бытовые рассказы о земляках, о событиях времен гражданской войны, «военного коммунизма», коллективизации, свидетелем которых он был. Завораживают читателя душевные рассказы о прекрасной северной природе края, размышления автора об отношении к ней человека... Приходится удивляться, как много сохранилось в памяти автора сведений, фактов, событий за его

Отсюда и название книги –

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу М.М. Аверина "Благодарение памяти".

Имя местного писателя М. Аверина широко известно в Северном Казахстане. Его рассказы, очерки, проблемные статьи часто печатались и печатаются на страницах республиканских, областных газет и журналов. Он является автором нескольких пьес, которые ставились на сцене областного драматического театра и районных домов культуры.

И вот очередная книга рассказов М. Аверина, которая предложена к публикации, привлекла внимание неподдельным лирическим повествованием, задушевностью, любовью к родному Приишимью.

Книга состоит из трёх разделов, каждый из которых выполняет определённую задачу.

Раздел «Новопавловские были» повествует о жизни и быте казачества станицы Новопавловской. Автор с присущим ему лиризмом рассказывает о неординарных людях села, о примерах дружбы и взаимовыручки русского и казахского населения.

Второй раздел – «Непреодолимый зов» - посвящён неповторимой природе Северного Казахстана, его фауне и флоре, повадкам птиц и животных. Здесь вновь проявляется публицистический дар писателя, каждой строкой призывающего к бережному отношению к природным богатствам края.

В третьем разделе – «Эхо Земли» автор выражает своё отношение к событиям времён революции и гражданской войны, ко всему, что происходило в начале века в нашем крае.

Ценность произведений М. Аверина в том, что всё, о чём он пишет, достоверно, прошло через его сердце. Его рассказы имеют и историко - краеведческое значение, и познавательную,

В заключение надо отметить, что новая книга М. Аверина «Благодарение памяти» написана на достаточно высоком профессиональном уровне, присущем ему образным, калоритным языком. Думаю, что читатели будут благодарны писателю за его содержательный и интересный труд.

Член Союза писателей Казахстана

Б. Мустафин

Посвящается Лидии Александровне – жене.

НОВОПАВЛОВСКИЕ БЫЛИ

«Чудаки украшают мир»

М. Горький

В Новопавловке, как и в каждом селе, были, есть и, конечно, будут чудачки и всякие житейские чудачества. А как без этого, особенно в те, неблизкие времена, когда не было ни кино, ни радио и тем более – телевидения, которое теперь «завораживает», да так, что людям пообщаться – то да почудить недосуг.

Часто вспоминается уютная, в сто пятьдесят дворов, станица, с ее светлой и довольно просторной школой, деревянной церковью, кузницей, в которой много лет кузнечил чудо – мастер, бывший военнопленный дядя Видич...

Всяк в ней жил по – своему – сам себе хозяин, но выезд на свои пашни «к первой борозде» всегда был в один день, сразу после Пасхи. Каждую субботу, без напоминаний, дружно мужики с детворой подметали дворы и улицы, мылись, «выжаривались» в баньках. А в воскресенье никакой работы – грех. И весь день молодежь «режется» в мячик, городки, хороводят, купаются в Ишиме, а пожилые, словно курицы на седале, рассядутся на бревнах: мужики дымят, бабы семечки лузгают. И чего только от тех и других не наслушаешься!

Уж больно у них много было рассказов о колдунах, ворожеях, ведьмах, русалках и всяких небесных привидениях.

- Сказывают, будто бы недавно у Белой горы, супротив Бызь его (Ольшанки – М. А.), с неба камень грохнулся да тут и раскололся, а из него – то выпала книжка священная, а в ней прямо сказано: «Скоро конец свету».

Бабы крестятся, чего – то шепчут про себя, а потом своя простая дискуссия насчет конца света.

Но почему – то для нас, ребятишек, конец света был не так страшен. А вот рассказы о ведьмах и русалках, которые живут рядом с нами, за околицей станицы, в буйных зарослях Ишима, в оврагах, тихих омугах, заставляли поеживаться.

- И чего только не бывает, - сказала однажды Дарья Казарина. – Вышла я ночью. Кругом тихо – тихо, только звезды в небе мигают, а темень – ни зги. И вдруг за калиткой – «хрюк – хрюк». Ну, думаю, свинья. Кто же этот хозяин, что распустил живность? Сам, небось, в постели нежится. Надо, думаю, впустить несчаную. Открыла калитку – то, а свиньи – то никакой! Баба во всем белом удаляется. Я так и обомлела! А потом что было сил захлопнула калитку, а сама в горницу,

под одеяло... А Семен бормочет: что, мол, ты так заприжималась?..

Вот расхохотались тогда бабы!

- А что раньше – то нам не рассказывала? – спрашивает одна.

- Боялась, не поверите, - отвечала Дарья и, перекрестившись, добавила: - Вот вам крест – не вру! – В этот раз все поверили. И к утру вся деревня знала, что ночами ведьма преобразается в свинью и чего- то промышляет. Выходит, беды не миновать! А живет она не иначе, как в Чагловском овраге, там ее кто – то «достоверно» видел. После таких баек каждая свинья, появившаяся на улице, была под подозрением.

И вот однажды, темной ночью, вроде бы и храбрый парень Тишка Казарин провожал свою возлюбленную домой. Задержавшись до первых петухов, возвращался домой. Вдруг на улице, хрюкая, увязалась за ним свинья. Тишку так полоснул страх, что он, не помня себя, как сам он утверждал потом на казачьем круге, в горячке вырвал из плетня кол и огрел эту «ведьму». Да так, что она на всю станицу визг подняла. А от этого по всему селу собачий лай поднялся. Люди повскакивали с постелей, а Тишка тгу дал домой.

Когда настал день, то выяснилось, что никакая это не ведьма, и обыкновенное животное, принадлежащие Луке Севостьянову. Свинью прирезали, а Тишка отсидел сутки в каталажке. Старейшины хотели плетей ему поддать, да сам хозяин «ведьму» заступился за него и грех весь взял на себя за бесхозяйственность. Казалось, на том и конец, но нет! Любители острых ощущений все свели к тому, что Тишка просто обозался. Настоящая ведьма жива да, небось, над Тишкой – то похохатывает.

Их было множество, этих чудачеств. О них я расскажу еще.

ЧУГУН – ГОЛОВА.

Захаровых да Казариных в Новопавловке было так много, хоть пруд пруди. И все они потомки тех, кто в прошлом нес военную службу в Петропавловской крепости Горькой линии. Среди них каких только уникалов не было. Были и силачи, и прыгуны, и борцы с удалой силушкой

Но вот Ивану Андреевичу Захарову подобных не было.

Вроде бы обыкновенный, среднего роста мужик, а про его голову ходили всякие слухи. Ее называли чугунным котелком, да еще с толстым дном. Дай ему в руки каленый кирпич нашего Трусовского завода, который обухом не сразу раздвоишь, а

он просто возьмет его в руки и одним ударчиком об свою голову расколется и вернет вам две половинки.

Конечно, за такое зрелище ему следовало подать чарочку. И еще у него была странность – уши шевелились, особенно под гармошку. Подпевает и ушами в такт прыгает, а для людей – потеха. В станице Иван Андреевич был весьма полезным человеком. Он был бессменным пожарником. В его распоряжении был плетеный, крытый дерном пожарный сарай с ведрами, лопатами, с бочкой на колесах с водой и конная пожарная машина. Не знаю, платили ли ему или он трудился на добровольных началах, но он очень рьяно охранял окружающую природу. Ах, если бы в наших теперешних селах были такие хранители природы.

На околицах станицы, особенно с южной стороны, в момент цветения была сплошная белая кипень черемухи, смородины, ежевики. Но попробуй сломить хотя бы одну ветку, как тут же тебе Иван Андреевич уши надерет и к отцу приведет, а тот добавит. Но как только ягоды созреют, все село обойдет и объявит: "В воскресенье сбор черемухи!" Нас же, малышей, за всякую провинность родители пугали: вот, мол, Иван Андреевич узнает, он-то вам поддаст!

Как пожарник, используя право, он часто появлялся у кого-то на крыше. И если в трубе было много сажу, то считай, что чарочка "забита". Он в трубу кричит хозяйке:

- Агафья!
- Че, - отвечает та.
- Я тебе чокну! Труба забита сажеею, развалю!!!

- Да что ты, милый Иван Андреевич...

- Ладно, собирай свою сажу.

А сам спускает обмотанный тряпкой кирпич на веревке. Вся сажа мигом на шестке. А на столе уже чарка с закуской. Выпьет, громко крикнет, а уходя, напомним:

- Смотри, Агафья. Сама в пору приглашай. Вон Кривоозерка отчего сгорела? От искры. Ежели сажа полыхнет, всем не сдобровать.

Запомнились мне два случая. Летом, в 1922 году мужики расселись на бревнах, курили свои козьи ножки, о житье-бытье судачили. И вот тут-то Севастьянов (забыл его имя) пожаловался на своего барана.

- Никакого спасу от него. Не токмо Дарья моя, даже сам я заходить в конюшню опасаясь. С разбегу своим рогатым лбом бьет наусмерть.

- Бутылку. И усоборую, - сказал Иван Андреевич.

- Не совладаешь, Иван. Если бы уgomонил... Есть у меня бутылка Николаевской ишо, сберег. Отдал бы.

- А, тогда пойдем!

И тут вспыхнуло такое любопытство, что, кажись, все мужики, а за ними и мы, мелюзга, зашпешили в севастьяновский двор, а потом и в конюшню.

Овцы – в угол. Баран, еще не разобравшись, кого ему атаковать, прикрыв собой овец, с любопытством взирает на нас, как бы подбирает объект нападения.

Иван Андреевич, подавшись вперед, стал на четвереньки и только успел мотнуть головой, как баран, как бы с удовольствием подпрыгнув, с разбегу всей мощью своих рогов нанес опальный удар в голову Ивана Андреевича. Но Андреевич ни с места. Наоборот, он по-бараньи заблеял, опять мотнул головой и тут же принял второй удар, а потом, на четвереньках, пошел в атаку на барана, а тот, под громкий хохот мужиков, сник, забился за овец.

С того сражения не было ни одного случая, чтобы баран осудил человека. О, сколько после этого случая было разговоров и смеха в станице. Ведь диво-то дивное!

И то же лето, никак в августе, над станицей висела знойная

тишина, а за околицей стояла сладкая дремота вдосталь упитанной за лето природы. И вдруг на горе, словно с неба свалился, видим шумный цыганский табор: кони, крытые рыдванки, дырявые кибитки, костры дымящие. Немытая шумная орава скатывалась с горы во все четыре улицы и растворялась в станице. Повсюду шум, гам, гадание, ворожба, попрошайничество, песни и неугомонный пляс детворы. И вот один молодой верзила, возглавляя группу мальчишек, стал вести себя нагло. Ребятня орет: "Чавело, давай, давай, рассказывай!" Дети пляшут, поют: "Дырдычка мельница, моя крутельница!"...

Ивану Андреевичу все это не понравилось, и он окрикнул:

- Эй, ты Чего распоясался, "чавело?"

А нагловатый к нему:

- Мы веселые, батя!

- Ну и веселитесь в своем таборе.

- А ты нам не указ, батя. - И вместе с ребятней пустился в пляс. Иван Андреевич подозвал ретивого танцора, схватил его за уши, подтянул к себе и своей головой, вроде бы легонько, стукнул. Но у парня подкосились ноги, и он, ошеломленный, сел на землю, ухватившись за голову.

- Ишо надо? - спросил Иван.

- Не надо! - обиженно выкрикнул парень, зажал голову руками и дал деру.

Я написал о том, что удалось мне лично видеть и запомнить. А сколько легенд ходило по станице об Андрее, - всего не опишешь.

НОВОГОДНЯЯ НОВОПАВЛОВКА.

Ее давно нет, но воспоминания сохранились. Новый Год для станичников был самым вольным, размашистым и веселым. Его встречали дружной стрельбой из собственных винтовок, а потом собирались по собственным кланам, варили пельмени и до утра гуля-

ли. Соседняя река Ишим была тогда широка и глубока. На льду, очищенном под метлу, делали карусели.

Дело простое: на вмороженные во льду столбики надевали тележные колеса, а к ним прикрепляли жердочки, привязывали санки - и поехали. Да так, бывало, раскрутят, что, не удержавшись, пассажиры срывались и летели кубарем. А кто-то катался на коньках, кто-то в клюшки гонял конские глызы. Но самым интересным у молодежи были ворожба и гадания.

Помню старушку Лукерью Лезову. Под каждый Новый Год она ходила по селу, "чаи сшибала" и с похвальбой рассказывала под Новый Год, как ей удалось приворожить Семашку (земля ему пухом). Девки так и крутились возле нее. Приворожить возлюбленного - дело нешуточное, говорила она. Стотопила я из серянок (спичек - ред.) колодезный срубик, шепнула в него: "Без солнышка нельзя пробыть, без тебя, милый, нельзя мне прожить, если есть ты такой, покажися". Сунула срубик-то под подушку, сплю и вижу: у колодца-то Семка, я так и обомлела. А он, лихоманка, при всей амуниции, шпорами позвякивает, коня поит у колодца, да усики накручивает, улыбается и говорит: "Хватит, Лушенька, манежиться в девках. Днями сватов пришло. Не ерепенься, а без диалогов согласью давай". И только хотела я сказать ему, что рано мне, что и приданого-то у меня нету, и вдруг проснулась. Прислал ведь сватов-то, прислал!..

А то еще так гадали: подбегут девки к окну и из ночной тьмы поочередно спрашивают хозяев; «как зовут жениха»? Хотели отвечать. Одной кричат - Яшка, другой - Мишка, третьей - Гришка, и шутки ради выкрикивают смешные имена: Трепор, Бобша, Шарик. Одни со смехом убегают, но жди других.

Те, которые уже на выданье, гадали всерьез, чаще всего потянувшись от посторонних, со свечами, зеркалами и сырыми яйцами, спускались в подполья. А еще была ворожба с валенком. Швыряет дивчина через ворота на улицу валенок, а потом идет и смотрит: в какую сторону упал валенок носком - в той стороне и жениха ищи.

А вот был такой случай. Еще в октябре месяце Минька Карпин присватался было к Дуняшке Гордеевой, а она "погордилась" и наотрез отвергла его. А, надо сказать, влюбился он в нее не на шутку. Минька тоже ей нравился, но надо

же выдержать характер. Под Новый Год для испытания счастья Дуняшка и швырнула валенок за ворота, а Минька тут оказался, схватил валенок и исчез. Туда-сюда прыгала она без валенка, а его нет, да и только.

Но в первый же день Нового Года по станице прошел слух, будто бы во двор Миньки Казарина чей-то валенок влетел.

- Сходи, доченька, узнай, не твой ли пим-то, - уговаривала Соломея Дуняшку.

- Да что ты, мама, как это мой пим на другой улице мог оказаться?

И все же пошли спустя два дня. А там Минька со своей мамашей не знали, куда дорогих гостей посадить, чем угостить.

- А как же мой пим к вам прилетел? — спросила Дуняша.

- Сами диву дивимся, - ответил Минька.

И только когда исполнилось их сыну два года, Михаил, изрядно подвыпивши, признался:

- Я, Дуняха, знал, что пим свой ты выкинешь, и долго ждал на морозе, а когда он шлепнулся, я схватил его — и за угол, а там и домой.

- А куда он носком упал?

- Прямо на меня. Ей богу, Дуня, поверь — на меня!

КУЛАГА.

Многие Новопавловские мужики в пору моего детства и юности были по-ребячески чудаковатые. Достаточно было ребятам начать игру в городки, или в лапту, а зимой на льду Ишима — в снежки, как тут же ввяжутся и "усатики" и даже "бородатики", как мы их называли. А, бывало, и "хулиганили", особенно под Новый Год. То подсказут, кому и как стеколкой трубу прикрыть, чтобы под Новый Год хозяев дымком на время из дому выкурить, а самим вдоволь посмеяться. Или уложенный лес тайком от хозяина перетащат и аккуратно уложат к соседу, а потом вся станица потешается над растерявшимся и удивленным соседом. Но этим, правда, смех не заканчивался. Смеялась потом вся станица над "злоумышленниками", когда они под страхом атамановской плетки перетаскивали и аккуратно укладывали бревна на то же место, где они были.

И еще. Мало кто из новопавловских мужиков не имел про-

звищ. В шутку или всерьез кто-нибудь "подвесит" одностаничнику прозвище, а потом оно прикипит, что сам хозяин забывает свое имя или свою фамилию. И ведь обходилось без всяких обид, как - будто так и должно быть.

Ну, например, был у нас в станице Захар Казарин. Когда-то барабаном молотилки у него оторвало на правой руке пальцы. И однажды на общей сходке аксакал Исмаил сказал: "Ну вот, ты теперь не Захар, а ... Шолак", что означало: короткопалый. Мужики посмеялись. Казалось, на этом и все. Но нет, прозвище это так и осталось навсегда. Захар - Шолак не обижался.

В осеннее время, когда, улетаая в теплые края, северная птица надолго задерживалась у нас, новопавловец Семен Севастьянов страсть как любил охотиться на озере Бабаши на крохалей, за что его прозвали крохалем. Бытовали и такие прозвища, как Кукан, Красный Рак, Ключка, Кишкентай, Кокуш и т.д.

А Ефима Злобина называли Кулагой. По рассказам станичников, Ефим был на удивление скуп, и все время подозревал жену Лукерью в расточительстве. Он проверял ее на каждом шагу. Постоянно упрекал: я, дескать, все тащу в дом, а ты, словно курица, скребешь из-под себя. Так ведь и все хозяйство на распыл пустишь.

Однажды, уезжая на пашню, он, в порядке очередного контроля, шпатель да замерил таловой палкой кулагу в корчаге и на топишке сделал пометку. Через пять дней, вернувшись домой, обнаружил, что его Лукерья шиканула — чуть не всю кулагу выклевали.

Разразился большой скандал. Он, по казачьему обычаю, огрел женушку плетью, а та не стерпела, подняла шум. Остаток кулаг и вылила в ковшик, да ему, казаку, участнику героического похода в Манчжурии, хлобысь в лицо, а сама громким криком "Вот тебе кулага, вот тебе кулага!". Сама выскочила на улицу и на всю-то станицу прославилась муженька. Станица удивлялась тогда. С тех пор и до конца жизни своей Ефима стал называться Кулагой.

Кстати сказать, в Новопавловке во многих семьях кулага была излюбленным блюдом. И мне лично кажется, что это действительно проросших зерен ржи или пшеницы очень полезен для здоровья и долголетия. Я знал многих мужчин и женщин,

доживших до десятого десятка лет. Все они были любителям кулаги. Ни в одном словаре, правда, этого слова я не встретил. А жаль.

ЧУГУНКА.

(Отцова быль)

Дело было в июле 1894 года. В субботу новопавловцы возвращались с пашни. Топились бани, на улице витал дурманящий запах свежей еды. Мужики подметали дворы и улицы, бабы и детвора встречали коров.

- Вот что, Минька, ты Карьку оставь дома, - сказал дед Гордей.

- Зачем? - спрашивает Минька.

- Тайна... Ну да ладно. Мыслишка народилась. В город чугунку в ход пустили. Изучить надоть до подробностей и рассказать всей станице, небось ахнут!

"Чугункой" тогда называли железную дорогу.

Никак три года поджидали ее. Шли о ней всякие кривотолки. А когда дошло до станицы известие о том, что "чугунку" уже до Омска протянули и по ней паровозы господ возят, у людей взбурлило желание узнать, что там такое.

- Что, небось, охота поехать? - улыбаясь, спросил дед Миньку.

- Да, дедушка! - обрадовался внук. - Вместе-то веселее будет.

- И я так думаю. Только мы не в город. Напрямик, через леса махнем к самой чугунке. Пошупаем ее. А пока никому ни гу-гу. Тайна.

Минька, чтобы дед не передумал, улегся спать в коровник, на свежую траву под Карькин нос. Да и не спал он, а дремал под монотонный храп лошади.

"И когда он спит. - Думал Минька. - Всю ночь хрумкает и хрумкает.

Уехали спозаранку, а вернулись на закате солнца. К тому времени о дедовой "тайне" прознала вся станица.

Встретили деда Гордея с Минькой как победителей. Сыпались приветливые слова:

Гордей Ефимович. Ждем вас с самого обеда.

У всех бельмы в глазах опухли. Все глядели в гору-то.

Думали: уже не в Омск ли по чугунке стрекача дал?

Дед вышел на середину круга, поклонился, расставив циркулем ноги, для важности кашлянул и на полном серьезе повел рассказ:

- Вижу: всем вам охота знать все про чугунку, а откуда источник? Кто к нам пожалует из городу да расскажет? Никто. Вот и задумал я неделку назад съездить, да во все вникнуть, да и вам выложить.

Тут послышались возгласы одобрения:

Спасибо тебе, Ефимыч.

Дай Бог здоровья.

Так вот. Улеглись мы с Минькой пораньше, чтобы затемно встать, и пока вы все спите...

Ты, Ефимыч, про чугунку, а не про Миньку нам.

А ты, Проха, удила-то не закусывай. По порядку просили - вот и слушайте. Иначе в моем рассказе перекося получится. Лучше ногой запутаться, чем языком. Так вот. Ишо до зари мы тихо-тихо въехали на гору, а там мимо Кишкибишев да промежду Пенькова и Белова, через леса дремучие - прямо к самой чугунке.

После этих слов бабы ахнули, закрестились: "Господи. Господи..."

Постучал я по ней шашкой - железо. Прислонились с Минькой ушами - тихо. Ничего, думаем, дождемся. Отъехали подальше, к лесу Карьку распрягли, спутали. Ягод лукошку набрали...

Покороче, Ефимыч, - шумнул кто-то.

Да как это короче, ежели паровоз где-то замешкался? Ждем мы с Минькой, вот и ты жди.

Все расхохотались.

И вдруг слышим: гудит, кряхтит - пыхтит. Видим, что-то огромное - дым колесом, а он, энтот паровоз-то, все ближе и ближе - тух, тух, тух. Земля под ногами ходором ходит. Птицы со всего леса поднялись, крик подняли, страх напугал. Спаси, Господи. А Минька: "Я его догоню." И побег.

Ефимыч, ты что все про Миньку да, про Карьку, а про

паровоз-то, паровоз?

- А подцепил он, этот самый паровоз, двенадцать вокзалов и прет!

Женщины так и ахнули. Крестятся.

- А на паровозе-то вроде бы барин в шляпе, а из-под шляпы-то дым коромыслом!!

- Господи, да что же делается на свете?! – запричитала Дарья Казарина.

- А то, станичники, - величественно продолжал дед Гордей, - как проповедует нам святой Иван Кронштадтский, вся земля будет запутана проволокой, а в небе будут латать птицы с железными носами. Седни паровоз прет двенадцать вокзалов, а придет такое времечко - и все тринадцать. Да еще по нашим пашням. А ишо, ногой его в темя, столько напридумывают разных машин – человеку жить негде будет!

А что, пожалуй, дед Гордей был прав в своих прогнозах. С тех пор прошло-то всего 105 лет, а грузовые эшелоны теперь-то по сто вагонов. А сколько в небе "птиц" с железными носами. На улицах – потоки автомашин, человеку тесно и душно.

Но если бы вдруг под Новый, 1999 год, проснулся дед, любовался нашим житьем-бытьем, то непременно спросил бы: "А что дала вам эта махина техники? А где можно за дешево перекусить или купить красного сукна на лампасы или те же подштанники?"

Пришлось бы перед ним и покраснеть, и поизвиняться, хотя мы глубоко верим, что в наступающем 1999 году мы непременно выживем, а там, глядишь, и придем к своей цели - всеобщему благополучию.

РУСАЛКА.

Весной в 1918 году «приплелась» она к нам в Новопавловку, как и многие другие, из голодной России, исхудалая, чумазая, в лапоточках, с сумочкой из мешковины через плечо.

- Подайте, Христа ради, милостинку, - пропюнула с порога. Мать наша была жалостливая и гостеприимная:

- Садись – ка за стол, доченька. Покормлю тебя. Видать, что отошала.

Аксюшка, так звали гостью, не раздумывая, сбросила с плеч дырявый самокатный зипунчик, из рукомойника помыла руки и своей же юбкой вытерла их, усердно помолилась, села за стол.

Я с тремя братишками и самой младшей сестренкой Дуняшей с любопытством смотрели, как голодная беженка «уплетает» пшеничную кашу, запивая молоком.

Сколько лет тебе? Звать как? – спросила мать.

Ноне восемнадцать будет. Аксюша я.

Родители-то есть?

Все померли. Голод у нас. Услышали мы, что ваш край - клонный, собрались с подружками, да в эти края пешком от села к селу... А потом все в дороге-то порастерялись. А я вот сюда добралась, - рассказала гостя и навзрыд заплакала. Поплакнула и мать. А потом спросила: - В няньки пойдешь ко мне? Видишь, какая у меня «борона», показала на нас. Отец-то наш все где-то воюет, а у меня хозяйство-то, и скотина, и огород. Платить мне нечем. Кормить буду и одежонку твою немаленьку заменим. В лаптях ходить не будешь. У нас их не носят.

Аксюшка продолжала плакать, потом разревелась, но не от горя, а от радости - ведь определилась!

Да и нам помогу, я все умею, ночей спать не буду, а все работать буду!

Ну, ладно, ладно. Работать будем и спать тоже будем. Вон с детками справляйся. Полоть, поливать поможешь. Сено явучу косить.

Господи! Да я все это умею. Я ведь крестьянская.

А рано натопишь?

А как же!

Тогда с этого и начнем. Одежду твою пожарим, тебя вымокаем...

Так она у нас и прижилась.

На молоке, на каше да на картошке она так захорошела, что мать наша забеспокоилась, уж больно станичные парни стали заглядываться на нее. Но Ксенья вела себя недоступно, чем мать гордилась и говорила соседкам:

- Не казачка, а пальца в рот не клади. Девка не дура, отдай ее за казака, а за какого, поглядим ишо! Одна беда – шибко озорница. Все что – нибудь да придумает, что – нибудь учудит.

А однажды и в самом деле так учудила, что дорого стоило ей это чудачество. В этот день, как и все бабы станицы, мать с Аксиньей ушли на вечернюю поливку капусты. Все капустники расположились тогда вдоль берега Ишима и были отделены друг от друга межами, густо заросшим талом и шиповником.

Рядом, за межей, поливала с двумя своими дочерями – Полинкой и Дуняшкой – старшая сестра нашей матери – тетка Саломея Казарина. Все они полюбили Аксинью и относились к ней по – родственному. Любили ее за простоту, но, пожалуй, больше именно за чудачества разные. Так вот. Закончив поливку, мать с Аксьюшей, как обычно, обкупнулись. Мать ушла одеваться, Аксинья же задержалась. Увалялась в тине, распустила дивные волосы и, проникнув через кусты в огород тетки Соломеи, уселась возле их одежды (поливали тогда все в нательном, босиком). Сидит, ветками отмахивается от комариков, и как раз в это время тетка Саломея подошла к одежде, да увидев страшилище, так и остолбенела:

- Чего ты тута расселась?! – сказала и затряслась от страха. Не услышав ответа, панически пустилась в бегство, истошно закричала:

- Ведьма, ведьма! Скорее, девки!

Ну, а те увидев «ведьму», тоже завопили: «Ведьма, ведьма!». Прибежали соседки и, увидев «чудище», босиком пустились в бегство.

Аксинья быстро исчезла, обмылась в речной воде и, как ни в чем не бывало, забежала в свой огород и тоже закричала: «Ведьма, ой, русалка!».

- Да где? – спросила наша мать.

- Там. Унырнула в воду. Бежать надо!

Торная дорога в станицу в миг заполнилась бегущими и

панике женщинами.

Один из казаков на коне прискакал в канцелярию и упреждал атамана Ефима Шумакова о случившемся. Атаман вместе с урядником вышли на крыльцо встречать неистово шумящую бабью толпу. К крыльцу канцелярии сбежалась чуть ли не вся станица.

- А ну, тиха! – прикрикнул Шумаков на сбежавшийся народ, утомонитесь! В чем суть, сказывайте, бабы.

Раздались голоса:

- Русалка на огородах пасется, вот что!

- Экстренную меру принимай, атаман!

- И не русалка вовсе, а ведьма!

- А может, кто решил почудить, - расправил усы атаман, - а мы страху набрались.

- А пусть Соломея Казарина распишет. Она первая встретила чудище.

- А ну, Лукьяновна, обрисуй, - попросил атаман.

Долго Саломея тряслась, а потом перекрестилась и ослабевшим голосом сказала: «Вот вам крест-ведьма и не иначе!».

Все ясно. Даю команду: Ефиму Вележанскому немедленно послать десять будущих наших драгунов и в конном порядке, влукором – туда! Прочесать каждый капустник и не возвращаться без «чудища». А теперь – по домам, станичники. И чтоб никакого страху, а с «чудищем» разберемся.

Но вдруг, как гром среди ясного неба, пришло известие, что это представление устроила «расейская» беженка Аксинья. «Да ей порямы мило! Да и Матрена хороша. Ишь, какую птицу прирвала!» – шумели станичники.

Все, даже та подружка, которой Ксюша открыла свой секрет, отвернулись от нее. Пожилые анафеме предали. На всенощной священник осудил Ксеньин поступок. А наша мать с Ксеньей были приглашены в канцелярию – на казачий круг, а там много не разговаривали. Атаман гневно сказал Аксинье:

Наше село обулгачила! Сколько страху на станицу нагнала, на людей! Да за такое тебе следует не менее десяти плетей

Аксинья с матерью навзрыд заплакали.

- Нюни не разводите! Казаки женщин не наказывают. Наш сказ тебе, Матрена: «Прощайся с ней и сегодня же пусть она берет свою торбочку и чтоб духу ее не было тут!».

Казаки дружно и громогласно проскандировали: «Любо!».

А это значит, все с атаманом согласны.

Домой пришли мать и Аксинья заплаканные. Аксинья молча собрала свои вещички. Мать запрягла в ходок Пегашку, а нам сказала:

- Прощайтесь, ребятишки, с Ксюшей. Уезжает она от нас. Насовсем.

Мы загалдели, запричитали: «Пошто она уезжает? Мы не отпустим!»

Мать успокоила нас. Сказала, что сейчас увезет Ксюшу в город, а потом вернется и все расскажет. А увезла она ее к купцу Верижникову, у которого, будучи девчонкой, сама год жила в няньках и с тех пор не теряла с ним связей.

ВЯТСКИЕ – РЕБЯТА ХВАТСКИЕ.

Конец мая. Село в солнечной истошной вялости. На улицах не видно ни собак, ни местных жителей, бродят одни поберушки. Их так много, что голодные собаки на них уже не лают. Подойдет нищий к окну, развернет свою ладонь и стоит. Стоит долго, пока не выкрикнут ему в форточку: «Бог подаст!». Перекрестится нищий и идет дальше.

А тут – двое, в самотканной одежке, в лапоточках мастеровых, с токарным станочком по дереву, увешанные рубанками, фуганками, лобзиками, ножовками, приоткрыв калитку, робко и чуть слышно голосят:

- Хозяин, а хозяин!
- Хозяюшка, где же вы?

Из хлева появляется хозяин:

- Да я-то здесь, а вот подать вам нечего, так что – Бог подаст.
- Да мы не нищие. Нам бы работенку.
- Какую?
- Любую. Мы вятские – все можем, особенно по дереву мастера мы.

Приблизившись, хозяин сказал:

- Лестницу для погреба мне надо.
- Вот уж чего не можем, так не можем, - сказал один.
- В ней ведь чертежу да долбежу – пропасть, а плата – одна фига, -сказал другой.

Хозяин усмехнулся, вышел на улицу, сел на скамейку, пригласил вятчей сесть. Вынув из кармана расшитый и замусоленный от времени кисет, набитый махрой, сказал:

- Ну, вятские – ребята хватские, пустим дымка с голодухи, я ведь тоже не из сытых.
- Да и правда, - обрадованно сказал один вятч, - отвлекает все же. Казалось бы, что за польза от дыма, а вот отвлекает. Семьи – то наши поумерли, а мы вот все еще коптим небо. Живем : где сена клок, где вилы в бок... бродим по Рассеи - матушке.

Вынув из кармана гальку, хозяин ловко кресалом высек искры, подпалил щепотку березового трута, и, затянув дружно самокрутки, вятчи раскашлялись, да так, что из глаз слезы посыпались.

- Ох, хозяин, что за табак? До самых пяток берет!
- А как же, - сгордился хозяин, - табак с седьмой грядки от бани. Там моя баба выращивает такой вот «зверобой».
- Помолчали.
- Дак все же посоветуй, хозяин, где нам работенку – то отыскать? На кусок хлебушка, и то ладно!
- У нас там все бают, что за уральским «Беловодом» люди живут всегда с запасом – хлебосольно, а вот поди-ка ты, куда ни сунемся – везде заковыка.
- Выходит, маху дали, а теперь вот горе мыкаем, сил – то дальше уж и нет.
- Табак – то у тебя, хозяин, ядреный, но дым есть дым. Хлебца бы или по картошонке...
- Насчет лестницы то мы пошутили. Мы тебе ее за час сделаем, ежли... Мы же мастера – то вятские!

Хозяин знал вятских мастеров. В нашем городе, где он часто бывал, он всегда любовался, как ему «улыбались» своими сказочно красивыми наличниками, крылечками барские дома. Он подумал: «Были бы деньги, доски, да кормежка, то нанял бы

я этих вот мастеров, а они из моего деревянного дома под деревом сделали бы игрушку. Вся деревня любовалась бы...

Не много в нашем городе сохранилось до наших дней таких красавцев – домов – чудесного творения вятских мастеров. Многие дома были не разумно снесены, многие (как нарочно) огонь поглотил. И недаром наш краеведческий музей, его коллектив, все же обзавелись оконными наличниками и другими поделками вятских мастеров зодчества для обозрения и познания их искусства будущими поколениями.

- Так что же мне с вами делать, ребятишки? Вот была бы у меня крупа, сварил бы вам кашу, да такую разваристую!...
- Ах, хорошо бы! – воскликнул вятч.
- Да вот беда – масла – то нету, - сказал хозяин.

Все молча переглянулись, а потом вдруг расхохотались, да так, что во дворе в прах отощавший хозяйский кобель по-волчьему взвыл.

Рассказ мой не выдумка, а самая настоящая быль 1922 года. Предыдущие лето почти повсеместно было неурожайным, а какие были запасы у крестьян на черный день-их выгребли под метелку для голодающего населения Поволжья, Москвы и Петрограда. Много скота от бескормицы да от джута погибло, остальной скот за зиму съели. Почти все сельчане оказались однолошадниками. Получилось так, что наши повезли свои «хохоряшки» в Сухотино (там выдался урожай) на хлеб менять, а вятчи, да люди Поволжья к нам за куском хлеба повадились.

- За мою жизнь, сколько помню, - говорил хозяин, - ваш брат – вятч часто от голодухи – то к нам хаживал и попрошайничал. За десятину, им же посеянную, целое лето на хозяина батрачил, а потом, если десятина-то родит, так он, бедняга, в обнимку с мешками, в товарном вагоне, довольнешенький вез их домой. Эка невидаль!
- Все верно, - подтвердил вятч, - но бывает и так: привезет хлебушко –то, а семья похоронена. Голод - не тетка. А что делать, как быть?
- Да вот Ленин говорит: «Сыщализму надо построить и повести решительную борьбу с голодом.»
- А как?
- А так. Государство, а не спекуляшки и не мешочники,

должно ведать хлебом и распределять его так, чтобы не было голодных. Негоже, чтобы люди с неурожайных мест сами с мешками ездили добывать себе хлеб. Нужно, чтобы повсюду жили спокойно и сытно. Так что, сыщализма нам нужна.

И я лично не помню, чтобы после 1922 года, то есть после известных экономических преобразований в стране, вятчи, в этих краях часто была засуха, ходили с протянутой рукой в наших краях.

БЫЛОЕ СТАНИЦЫ.

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле.
В небе крик грачиных стай,
Волчий голос в поле!
(А. Толстой)

В 1772 году многие из тех, кто верой и правдой отбыл свою многолетнюю рекрутскую повинность и принял непосредственное участие в закладке крепости Святого Петра на берегу реки Ишим, не захотели возвращаться в места, где когда – то, давным-давно, пролетела их юность...

Было, в двадцатые годы, натопавшись до усталости за плуги в посевную, или намахавшись за день косой в дни сенокоса, поужинав, мужики подолгу еще, дымя крепкой махрой из седьмой грядки от бани», сумерничали у костра и вели всякие длинные рассказы и пересказы о том, кто в каких походах воевал, что пережил, о том, как и кем была образована их станица Новоавловка. Интересно было узнать, кто является потомками основателей села с собственным престольным праздником – Михайловым днем. «Вот почему, - думал я, - в станице столько мужиков Михайлов, в том числе и мы с отцом...».

На пашню отец стал брать меня с семи лет и использовал в качестве бороновалока. Для меня эти дни были большой радостью, тем более, что там хватало моих ровесников, с которыми мы крепко общались с природой. Заготавливали хворост для костра, а вечерами жадно заслушивались рассказами мужиков.

Пашню, как единодушно они утверждали, что семьи Казакиных, Чирковых, Дрягиных, Рекиных, Поповых, Шумаковых, Рязанцевых, Тюрбиных, Бояновых, Авериных, Журвлевых – прямыми потомками первооткрывателей из отставных драгун крепости свя-

того Петра. Мужики лестно отзывались о них, смело решившись «оторваться» от крепости, без топора и лопаты обосноваться здесь, на отшибе.

Из предания явствует, что группа рекрутов, с заглядом в будущее, еще задолго до отставки, будучи в походах да в охранных разъездах, облюбовала себе это райское местечко. Оно с высокого косогора как бы сползало и простиралось зеленым ковром пырея до обрывистого берега проворного, с крутыми завоями и таинственными омутами, кишащими рыбой, Ишим. Кстати сказать от того Ишима, который при мне в двадцать лет был, ничего не осталось. Если тогда, в июле месяце, люди на купаниях, попадая в заводи, всерьез рисковали жизнью, то теперь, даже весной после спада половодья, Ишим возле Новопавловки свободно переходят, не зачерпнув воды в кирзовые сапоги. Ишим, подмывая и обваливая берега, только за мои годы переместился так, что его русло оказалось далеко за теперешним, а тот обширный «плацдарм», облюбованный и названный драгунами райским местом, к нашим дням уполовинился и пополнил городскую слободу.

По преданию, отважные первожителю Новопавловки многие годы жили в нужде, в землянках, в плетеных таловых набитых дерном избах. Их превоначальный доход бал от продажи выращенных овощей — благо, что город близко. Промышляли рыбалкой, хотой, заготовкой и продажей дров, сена городу. Тесный и деловой контакт с местными кочевыми казаками позволил удачно обзавестись продовольственным скотом. Кони у них были свои. В создании семьи проблемы не было: за таких — толстых, храбрых «архаров» охотно просватывались девки из Ватулино, Соколовки, Б. Малышки, из петропавловского подгорья. А несколько позже из России понаехали родственники и тоже понавезли невест на выбор — красивых, работающих.

Но только в начале девятнадцатого столетия потомками славных первожителю вместо землянок и плетенок начато строительство добротных дворов, бревенчатых домов. Было образованно четыре улицы: Береговая, Центральная, Луговая, идущие от косогора к берегу Ишима, и поперечная — Казаринская. В те же годы новопавловцы получили земельные на-

делы на вечное пользование для выращивания хлеба и сенокосения в 7 — 8 верстах от села, по соседству с озерами Софонково и Пеньково.

Мне не удалось установить, когда Новопавловка приобрела статус станицы, но, помню, отец говорил: «Я родился, а станица еще не была». А родился он в ноябре 1882 года. Когда мы провожали кляков на фронт первой империалистической войны, в станице насчитывалось свыше двухсот дворов, на бугре махали ветряными две ветряные мельницы, дымила кузница, звенела колоколами церковь, действовали четырехклассная школа, погорелый сарай, казачья канцелярия. Уровень бытовой культуры был высок — избы побелены, ворота покрашены, дворы чисты, каждую субботу улицы дружно подметались. Краж, разводов, пьянства как и пьяниц, не было, но в праздники, на свадьбах гуляли, шумели, чудили всем селом. Чудили, пока не настали годы смуты и междоусобной войны в стране.

То белые, то красные в 1919 году, форсируя Ишим, брали станицу. То в феврале 1921 года восставшие крестьяне (так называемые кулаки), сделав ее боевым опорным плацдармом, окружили «большевистский» город. Они брали там пленных, жестоко и полураздетых пригоняли в Новопавловку, «судили», но не было случая, чтобы кого — то оправдали. Несчастных уведенных поводили к высокому обрывистому берегу Ишима, бросали пиками и сталкивали на лед, за что потом наступало возмездие: потемнели улицы и дороги в сторону сел Ольшанки и Черепково, после ответных ударов коммунистических отрядов, были убиты трупам вставших, хлеборобов.

С тех пор село пошло на убыль. Из него образовались три села: Софонково, Черепково и Пеньково. Однако есть еще и деревня, которая держится на земле потомки тех, кто 225 лет назад впервые обосновал и заселил этот удачно прикрытый от холодных ветров, как бы затонувший, тихий, всегда солнечный, уголок нашей родины — то природы. Живут здесь потомки казаков Ченцовых и Рязанцев, Шумаковых и Дрягиных, Бояновых и Севостьяновых. Раньше до Петропавловска было шесть верст, теперь же Новопавловка как бы срослась с городом — ходят троллейбусы и автобусы, кругом дачные домики, появляются современные коттеджи в новом микрорайоне «Солнечный».

КАЗАЧЬЯ ДОЛЯ.

(Быль)

В прошлом новопавлово-родины от набегов Джунгарских племен, отец с матерью, ловцы характеризовали окружающую природную среду основными тремя признаками: крутоярье, коварное и овражье. «А какова природа – такие и мы» – с усмешкой утверждали казаки.

Жизнь их проходила как-то круто, с перекосами и в основном – то она плутовала по вражьи тропам. Где только за свою, обычно не долгую жизнь казак не проливал свою кровь. Их могилы я встречал в горах Кавказа, у сопот Манчжурии, есть они на кладбищах в Франции, Турции, Германии, и повсюду – на родной земле. Все – за матушку Русь, за батюшку царя и за какую – либо новую власть.

Казак дома жил крайне мало. Даже в мирное время его часто отрывали от семьи на военные учения – джигитовку, селоз, пластунские «броски», стрельбища с колена и на полном аллюре – с коня.

В казачьей среде на первом месте было воспитание патриархата, который втягивался с измалства. У мальчишек еще под носом поблескивает, а на нем уже картуз с красным околышем, с кокардой, штанишки – с лампасами, хотя все еще с закройной прорезью.

Нравы и судьбы казаков станицы я не худо познал от моего дяди Ильи – брата моей матери. Умер он от простуды в 1925 году. Но есть еще старички – новопавловцы, которые помнят его. Помнят как, на редкость, «распотешного» человека, с причудами, как жизнелюба, всегда с открытой душой ко всем. И еще беднее его в станице не было, но он не унывал. Люди вспоминают:

Идет, бывало, петухом, с солнечной улыбкой, а ведь знаменит в животе – солома. А вот папаху на голове всегда с заломом

царство ему небесное! А в том, что он беден был, вины его в этом не было. Так сложилась жизнь. Пока нес пятилетнюю службу в городе Верном (Алма-Ата), охраняя границы своей родины от набегов Джунгарских племен, отец с матерью, определив двух сестер его в замужество, сами ушли на вечный покой. Тощее хозяйство еще до возвращения Ильи разделили между собой зятевья.

А когда Илья вернулся домой, то ничего другого не придумал как, прямо с ходу, не доехав до дому, женился, да еще на том – на городской, засидевшийся в девках мещаночке.

А получилось это так.

После полуторамесячного изнурительного конно – пешего шествия домой по бескрайней пустыне казахских степей, этот закадычный дружок, житель городской подгорной станицы, говорил заехать к его родителям. Ну а там на радостях сбегались родня, заломились столы от домашних яств, от бутылок с вином. Пили много. Сотрясался дом от пляса под заслонку.

Потом вспоминал Илья, как он, звеня блестящими шпорами, в общем плясе выделял свои «шесть коленей пляса». А в посьмом «колоне» произошел такой кувырок, он не помнит, как

Утром, раскрыв глаза, он не сразу поверил, что это не сон – лежит в мягкой барской постели, в светлой горнице, а у него под щекой нежно сопит и духами кодит женская головка. Не успел он освободить свою руку, как эта женская головка тревожно зашевелилась: «Ильюшинька!.. Боже, чего же мы наделали?!»

В это время распахнулись двери в горницу и с шутками, да прибаутками ворвались вчерашние люди. Они миглом стащили с новобрачных одеяло, об пол начали разбивать корчаги, тарелки, громко и слаженно завывали:

Поздравляем новобрачных! Поздравляем, долголетия желаем!

С законным браком! Ура! Ура!

Целуйтесь!

Целуй казак свою женушку Настасью.

И снова пошли в пляс, и снова начался Лукулловский пир,

с припевками:

Ах вы сени, мои сени,

Сени новые мои.

Сени новые, кленовые, решетчатые.

В этот же день Илья был обвенчан в Покровской церкви. А после двухдневной беспросыпной гулянки он украдкой ранним утром усадил свою женушку Настасью в седло боевого друга – Чалку, приторочил к седлу ее узды с «приданным», коня взял под узды и спокойно повел в свою родную Новопавловку. Благо, станица рядом – в шести верстах.

Чтобы успокоит молодуху, Илья всю дорогу чудил, скопом рошничал, обрисовывал Настасье будущее своей «многодетной» семьи, рассказывал ей, как она должна доить корову, выращивать капусту, морковку и как ублажать своего мужа. Она громко смеялась.

Конечно же, въехать в родной двор с заколоченной избой он не решился. Приехал к старшей сестре Полине. Было удивление, и радость встречи. А утром по всей станице загремела невиданная и неслыханная новость: Илья прибыл, да один, а не то с мешанкой, не то с кацапкой! А приданое – то невесты – курицам на смех. Вот мол, что творится на белом свете – своих невест ему мало! Через день атаман пригласил Илью в канцелярию, а там – с десяток бородачей и священник. Илья струснул было, но атаман успокоил:

- Не бойсь, Ильяха. Пороть не будем, а вот от имени воинов поздравляем с благополучным возвращением, хотя и в дороге путьевым. Сказывают, что ты награду в юбке приволок?

- А что делать, если за пять лет не дали ни крестика, ни медали.

Всплеснул общий смех.

- А ежели вас наш батюшка не обвенчает? – волнуясь спросил Гаврила Ченцов, у которого на выданье три дочери «засиделись».

- А я уже обвенчан... в нашей казачьей церкви.

- Беззаконие! – кто-то выкрикнул.

- А скажи, Илья, что твоя краля умеет?... Напалок к вареной пришьет? Или, скажем, кисет сошьет? Капусту вырастит и заквасит?

А я не познал ишшо.

А че это тебя, Ильяха, вдруг на горожанок приманило?

А горожанки – то вроде бы понежнее.

Тогда все расхохотались, а прозвище «ласковый» так за Илью и закрепилось на всю станицу, и на всю жизнь. Увидят Илью и говорят: «Вон ласковый идет», а Ласковый улыбается. Особенно – девушкам.

Идут:

Ох, Клашенька, попадешься – намну!

Ох уж и намнешь!

Намну и приласкаю.

Ласкай свою горожаночку.

Влюбился он Настасью, но не долго. Началась первая империалистическая. Все – и Настю, и не доведенное до ума – разума угнетение пришлось оставить. Вместе с Чалкой взмошел по станице и товарный вагон. И в месте с удалыми парнями родной станицы, помахав руками на прощание всем плачущим и рыдающим, под протяжный гудок и стук колес исчез в заволочном туману паровоза.

Новопавловцам пришлось защищать Кавказ от турков, который был обещан Турции Кайзером в случае победы.

Не приведи Господь Бог воевать с теми, кто в горах живет! Там горы, там и норы, – говорил мой отец, воевавший вместе с дедом Ильей. И еще отец рассказывал о чудачествах дяди Чалки. Из них мне запомнилось одно: «После успешного взятия города Саркамыш, на нашем пути крепким орешком предстал туркам. Пошли мы его, но не сразу и с большими потерями. И вот завоеванные города стали мы. Чаны с многолетними винами и медовухой стали наши. Пошла буйная пьянка, совпавшая с награждением крестами и медалями. А поскольку Илье не удалось совершить боевого поступка, в списке награжденных его не оказалось. С душевной обиды он крепко подвыпил и предстал перед командиром, отрапортовал:

Ваше сокоблагородие! Я турку ноги отрубил!

Почему по голову? – спрашивает командир.

На турка ее, Ваше сокоблагородие.

Командир – изболенился командир. – Кругом! Два наряда вперед марши! Шагом марш!!!

Выбив Турцию из военного союза с Германией, часть казаков, в их числе и мой отец, вернулись домой. Многих же перебросили на запад продолжать войну с Германией. От Ильи - никакой весточки. Вся Новопавловка считала его погибшим.

В великой стране развернулась невообразимая смута. На станице, словно из лукошка, кто - то разбрасывал все новые и новые вести: «Батюшка - царь от нас отрекся», «у власти Керенский», «рубли стали миллионами считать», «Колчак спасет Россию, но супротив его антихрист - большевик шагает», «через Новопавловку, изо дня в день, рвут небо, мчатся протяжные звуки колоколов в городских церквей. - «Конец света!...» И вот, осенью 1919 года, когда, форсируя Ишим, через Новопавловку поспешно отступали колчаковцы, когда на левом берегу приближались разрывы снарядов, пулеметная и винтовочная стрельба, когда мы, дети, крестясь сидели в подполье, к нам вдруг раздался отчаянный стук в дверь и слышали мужской крик. Наша мама поспешила туда. Мы увидели, как она открыла калитку и в нее вбежал (обросший как и все отступающее) солдат, обнял маму и отчаянно целует. Потом он забежал к нам в избу и нас с Ванюшкой целует, а мама в слезах причитает:

- Ильюшенька, братец ты мой, сколько свечек мы спалили за упокой, а ты, счастье - то какое, живой!!

- А где Михайло?

Мама приблизилась и тихо ответила:

- От колчака и от белых в Красноярских заимках скрывается.

- Да ты раздевайся, Ильюшенька.

- Да нет, Мотя. На пять минут отпустили. Ежели нарушило обещание вернуться в срок, ваш дом в распыл пустят. Офицеры злобствуют.

- А Настенька - то как? Попроведай, бедняжку.

- Передай, что я живой и скоро вернусь. Ежели я к нам появлюсь, уцепится, задержит, а вас сожгут. Скоро встретимся.

Нет. Не скоро он вернулся. Мама наша снова три года жгла свечки дома и в церкви и все читала молитву за упокой своего брата. Настасья же постарела, в прах запустилась, замкнулась ни с кем не дружила. Была у нее коровенка - ей и жила. Скопилось сметанки - и пешком в город на базар торговать.

Перестала ходить и к нам, потому что мама наша всякая

раз «чистила» ее за то, что живет не по - человечески - запустил себя, ни в баню, ни в церковь не ходит. А тут вдруг осенью (1922 года), в поздний час взбудораженная врывается к нам и с ходу падает к ногам отца, рыдает и умоляет: «Ой, радость-то какая, горечь - то вместе! Спаси моего долгожданного Ильюшу. Вернулся, о Господи! Что будет - то?!

Отец в то время был председателем станичного ревкома. Поднял он ее на ноги, спросил:

Где он?

Дома. Я зарыла его в сено.

После этих слов встревоженный отец «шугнул» нас, ребят, в горницу, и только на третий день мы узнали что дядя Илья спрятан в нашем подполье. Там он покашливал, а мы опышали. И еще мы заметили, как мама сунула ему тарелку морковных шанежек.

Смотрите, ребяташки! Никому не слова! Дядя Илья - мой братик.

Да мы знаем, - заголосили мы.

Беляк он... Да ты не бойся, мама. Не разболтаем.

Как позже выяснилось, отец за эти дни неплохо подготовил ревкомовцев. Решено было не наказывать возвращенцев, так как они оказались подневольно в белой армии. Решение ревкома по этому вопросу хранится в областном архиве города Петропавловска. Подписано моим отцом и секретарем ревкома А. А. Григорьевским. Григорьевский А. А. погиб в дни крестьянского восстания в феврале 1921, и похоронен в братской могиле на Октябрьской площади г. Петропавловска.

На заседании ревкома Илья, сильно постаревший и почерневший, вел себя все же мужественно, виновато, но, как всегда улыбаясь.

Посыпались вопросы:

Ну и что думаешь, Ильюха?

Разучился я думать. Всю жизнь под командами.

А если мы тебя кокнем? По команде: «Пли»?!

Ну и кокай. Мне теперь - трын - трава, Никитушка.

А пошто улыбаешься?

Да радуюсь. Могилка моя будет все-таки на родном кладбище. Рядом с вами. Навидался я в мире - то, всего

насмотрелся. А теперь будя!

- Небось в Китае – то лягушек изведаль?

- И лягушатины, и собачатины, и змеячины!

Ревкомовцы долго расспрашивали Илью о его скитаниях по военным дорогам, поздравили с возвращением и отпустили с миром, но наказали: жить тихо, не выпяливаться.

Через год он похоронил Настасью, а через два – сам от простуды скончался. Умирая, он печально улыбнулся и сказал: «Такая уж наша казачья доля».

Оно и в самом деле так. К концу гражданской войны больше половины мужчин домой не вернулись. Их тела нашлись себе вечный покой на далеких чужбинах.

ПЛЕННЫЙ ТУРОК.

РАССКАЗ – БЫЛЬ.

Субботний день на пашне – полурбочий день. Бывало, за неделю мужики умыкаются так, что без бани, да без морковных шанежек усталость не сгонишь. В этот день, наскоро позавтракав, каждый словно по стандарту загружает свои ры-

ванки валежником, сверху – свежей травой и разъезжается по домам до следующего понедельника.

И так уж сложилось, что отец мой непременно подворачивал свою упряжь к своему старому другу Исмаилу, аул которого каждое лето оседал на южном берегу озера Кешкебиш – двух верстах от Новопавловки.

- Заглянем к Исмаилу, а то обидится, покалякаем. Пить что-то хочется, глядишь и кумысом угостит, а тебя – айраном или еще чем, – говорил отец.

А местечко это, особенно в солнечные дни лета, очаровывало красотой приволья, серебряной распылью голосов неуго-

монных жаворонков, озорно парящих над распахнутыми тындами дремлющих кибиток, в блаженной колыбели щедрой природы. А какой бесчисленный набор ликующих голосов чашек, тагар, уток, авдоток, чибисов, куликов с утра до ночи висит над озером! Охотников в те двадцатые годы было так мало, что всем «детям природы» были обеспечены полное приволье и покой.

Такие хлебосольные наезды были взаимными. Бывая в сельском Совете по аульным делам, староста Исмаил непременно заезжал к нам, к тому же отец мой был председателем станичного ревкома, впоследствии переименованного в сельский Совет. Исмаила уважали и ценили не только в нашей семье, но и в хлеборобы Новопавловки. Дело в том, что он был непревзойденным прогнозистом. Из его уст люди узнавали, каким будет год – урожайным или засушливым. Летом, в дни засухи, шли к нему: «Исмаилушка, скоро ли дождик брызнет?». Скажет. Все расскажет – какой: затяжной, обложной или кратковременный грозовой будет дождик, и, на удивление всем, ошибался редко.

Уважали новопавловцы Исмаила еще и за его сыновей – Сарсенбая, Мукатая, Рамазана, Аяша, которые каждое лето исправно проводили выпасы их скота. Исмаил умел держать дисциплину и порядок в ауле. Он, как я помню, всегда был спокоен, и в этот раз, как только увидел отца, тревожно воскликнул:

О, а я только что срочно решил ехать к тебе, в сельский Совет. Ай – ай – я, сам Аллах прислал тебя, Михайло!

Что, беда какая? – спросил отец.

Большая беда. Совет давай.

И он усадил нас за круглый стол, а жена Марьям налила отцу пиалу кумыса, а мне насыпала курта и баурсаков – мои любимые лакомства.

Исмаил сказал:

Еще весной мой Аяш случайно встретил в городе шатающегося без дела, голодного, плохо одетого турка. Пожалел. Привез к себе. Хорошо одел, хорошо кормил... О, парень оказался шибко хорошим. Говорить умеет и по-татарски, и по-русски. Все умеет. Сено косит лучше всех моих сынов и внуков – бездельников. Хороший пастух, хороший дровосек, паять худые самовары, ведра умеет. Весь аул

полюбил его, а он ... Ой – ой! Он, дурак, взял, да и влюбился в дочь Аяша – Манике!

- А она? – спросил отец.
- Тоже любит, шибко любит... Аяш бьет ее, привязал к кибитке, турка прогнал, но его Сарсенбай к себе взял.
- Хороший парень, жалко.
- А почему не поженить их? – спросил отец.
- Ой, нет. Нельзя! Аяш за нее большой калым получил от родителей Кутюкаульского жениха Абиша.
- Но откуда турок взялся? – спросил отец.
- Воевал он с русскими и был взят в плен.
- Вот как! А где?
- Он говорил нам где, но я забыл. В каком – то маленьком турецком городе.
- В Саркамыше?
- Правильно! В Саркамыше! – сказал Исмаил.
- Так! – отец заулыбался. – А ну, позови его!

Исмаил тут же распорядился пригласить Ахмета.

- Выходит, это мой пленник, – сказал отец. – Там, Саркамыше, мы окружили и взяли в плен большую группу войск, а сами двинули на Эрзурум. Когда Арзерюм был взят, Турция вышла из союза с Германией, а с нами был заключен мир. Кайзер обещал Турции Кавказ в случае победы, но не вышло! Ахмет робко зашел в юрту, сказал «салам» и покорно присел.

- Ну, рассказывай, Ахмет, где тебя в плен взяли? – обратился к нему отец.
- О, да – да, Саркамыш. Там я жил, там мой отец, там моя мать.
- И невеста?
- О, ек, ек, нету.
- Но будет! Домой хочешь?
- Ой – ой. Шибко хочу, но нельзя. В городах России я ходил, я просил, а мне говорят: чем докажешь, что ты турок? Документов нет. Я чужой здесь.

Отец вынул огрызок карандаша, записал биографические данные Ахмета и сказал:

- На днях я буду в городе, оформлю документ по всей форме

и ты поедешь в свой Саркамыш. С Турцией у нас теперь дружба. Так что готовься. На питание в дороге имей деньги.

Вот жаксы! – радостно воскликнул Исмаил. – А деньгами мы обеспечим и всем аулом с честью проводим.

Ахмет растерянно смотрел то на отца, то на Исмаила, а потом вскочил, схватил руку отца, поцеловал, поклонился Исмаилу и радостный, с непонятными выкриками восторга, пустился бежать по аулу.

Вот что значит Родина! Он и про любовь забыл, улыбаясь, сказал Исмаил и поблагодарил отца за то, что помог избавиться от нависшей беды, но спросил:

А если такой документ не дадут?

Дадут, обязательно дадут. Мы не давно восемнадцать пленных венгров отправили домой.

Но в Венгрии тоже Советская власть.

Верно. А в Турции с приходом к власти Ататюрка теперь демократия, с нами заключен договор о мире и дружбе. Так что у родителей Ахмета радости будет гора!

Что же было дальше? А то, что через три дня примчались к ним на пашню Исмаил с Аяшем и, до безрассудства встревоженные, рассказали отцу, как позавчера бесследно исчезли Ахмет вместе с Манике!

ВСЕ ДЛЯ ДУШИ.

Дед Гордей Казарин женат был на старшей сестре нашей матери, Соломеи. Свои люди звали ее Солой.

У стариков – две дочери – Полина и Дуня. Обе были на выданье. Мать, не скрывая своего восхищения дочерьми, однажды сказала:

Работающие они у меня... Статные да белотелые, что грузочки! И уж как охота мне замуж – то определить их за степенных, да разумных казаков, каким мой Гордей в молодости был.

Дед Гордей, будучи недоволен своей судьбой за то, что Солома нарожала ему дочерей и не удосужилась родить хотя бы одного помощника, пуская клубы дыма из своей неразлучной трубки, подаренной ему в девятнадцатом году военнопленным немцем Лаешем, ворчливо говорил:

то найдутся, уведут со двора работниц, а нам – то урон какой, а? Двор запустеет, пашня чертополохом зарастет, скотенешка отошшат...

- Да че ты, Гордеюшка. Не будут же зятевья какими – то супостатами. Небось в трудный час, глядишь, и подмогут нам.

- Ага, жди... Нет, милая, «зять любит взять». Исконно так твердят люди мудрые и супротив тут ничего не попишешь.

Да, дед Гордей был прав. Не так уж много прошло время они, словно по сговору, в одну осень были сыграны две свадьбы и старики осиротели.

Зятевья – ничего худого не скажешь. Вместе с дочками стариков проводят. Зайдут в избу, перекрестятся. Чайку попьют, поговорят, да, и с миром уходят восвояси. Сола, конечно, и этому рада, а деда Гордея все больше и больше гнев распирает.

- Вона. Зятюшки готовых работниц прибакланили, а мне – то от этого какой навар? – сверепел дед на бабушку Солу, а та махнет, бывало, рукой, скажет: «А-а...» и удалится.

Как всегда, вечером пришел он к нам, побрякивая уселся на скамейку, прикрепленную навечно к стене – от печки до угла, от угла – под самую божницу. Набил самосадом трубку, густо задымил, швырнул взгляд свой на полати, откуда из под занавески торчали четыре наших остриженных мамой «под чекрыж» головенки: воскликнул:

- Во! Драгунский полк. А что это вы так редко нас с бабкой проведывать стали, а?

- А потому, бабу Соломею ты лугаешь и лугаешь, бестыдник, - выпалил четырехлетний Ванюшка и спрятался.

- Ишь ты какой заступник. А пошто спрятался. Трус! Дед Гордей Ванюшку больше всех нас любил и даже умолял родителей отдать ему в сыновья.

- Куда вам столько мужиков? У меня этот варнак через два годика борновоолоком будет, а там, глядишь, и хозяином. Все наследство до капли ему!

- Нельзя, Гордеюшка, нашу семью разрушать. А еще сестру – то мою за дело и без дела костишь. Закуделил старушонку.

- Да ты брось, Мотьша. Без причины я ее ни одним словом, ни одним пальцем. О, Господи, до чего дожили – и слова не

скажи собственной жене. Вот раньше – то было. Уезжает казак на пашню, на неделю, а чтобы женушка на других соколикон глаза – то не пялила, так он ей, как бы в должок, авансом платкой врежет разок – другой, а потом спокойно пашет, сеет да заборанивает. А чтобы я – де ни за что. Ну, поворчу, прикрикну – так ведь все это только для души.

Вскоре произошло такое. Прибежал я к ним, чтобы к воскресенью двор подмести (это была моя обязанность возложенная моим отцом – помогать старикам). Дед Гордей не в духе, шумит на весь двор. Запрягает в телегу Карьку, кричит на него:

А ну шевелись! Застоялся, бездельник. А – ну, удила не скусывай и не фыркай, - И тут же на кобеля Трезорку, гремещаго цепью, - а ты не скули, сиди дома, за провинку. Ну, ты – то что (это он на меня) пришел, так подметай и не раскачивайся.

Да что ты на ребенка – то, - вступилась бабушка Сола, - уедешь и он подметет.

А ты не встревай в мужские дела, не встревай. А ну, распахните ворота.

Мы с бабушкой распахнули, дед стегнул Карьку, тот с мессом рысь помчал тарыхтящую телегу.

Бабушка перекрестилась.

Что, он всегда ругает тебя? – спросил я.

Да это он так, для души.

Не успели мы закрыть ворота, как дед во всю рысь въехал во двор и шумит на бабушку:

Ну ты – что куды смотрела?!

Да что такое случилось?

Что, что – трубку забыл на столе. Живо!

Баба зашпешила в избу, а я расхохотался.

А ты – то чего зубы скалишь?!

А трубка – то у тебя в зубах.

Дед опешил. Выхватил трубку.

Эх, нокоть – те в темя, и верно!

Ох уж и нахотались мы тогда!

МОРКОВНЫЕ ШАНЬГИ.

Не знаю, есть ли, да и вообще – была ли на свете такая деревня, в которой отводилось бы столько высокому предпочтению в питании – морковным шанежкам, как это было в нашей Новопавловке.

Бывало, воскресенье без морковных шанежек – не воскресение. На целую неделю едем на пашню – везем с собой корзину шанежек. А еще такая история: выгонишь раненько коров за село в табун и уже по аппетитному запаху из труб уловишь в каких избах пекутся шанежки. И если у себя дома сегодня день «бесшанежный», то заходи к кому угодно, на запашок и тебя непременно угостят.

Для кого морковные шанежки – пустячок, но на самом деле – в них таится живая история. Приведу парочку примеров.

Угощался как – то у нас дед Гордей Казарин и спрашивает маму:

- А все – таки спрошу тебя, Мотыша, пошто нашенские, то есть новопавловские, шаньги морковные не чета, скажем, шаньгам ольшанским, или вогулинским? За свою долгую жизнь я не однажды угощался у этих «челдонов желтопупых», но в их шаньгах – никакого скусу – жесткие, пригорелые, морковка из них вытряхивается, в горле першит и застревает.

Мама ответила так:

- А потому, Гордеюшка, что их шаньги небось на воде, а наши – то на масле чехонском, а морковная заправка сдобрена сметаной, да и печем – то их на вольном жару.

В первую империалистическую, отец мой, Михаил Матвеевич, воевал на турецком фронте. Из покоренного Эрзурума он прислал нам очень долгожданное письмо. Поскольку вместе с

отцом воевали многие новопавловцы, то письма, поступившие в любую семью, были великим событием для всего села. Вся станция сбегалась, коллективно читали его тут же перчитывали. Из письма узнавали о каждом казаке – кто жив – здоров, кто ранен, а кто погиб. Так что, радостей и горестей было в достатке.

Отцовские письма привлекали не только чудачеством, но и своими рисунками турков в красных фресках, в широких красных шароварах, с кривыми ятаганами.

На этот раз читать письмо мама пригласила учительницу Анисью Федоровну Баскакову. Людей набилось – полная изба. В основном женщины. Под общий смех Анисья Федоровна всем показала и прокомментировала рисунки, затем, при затаенном дыхании всех, перечитала поклоны от сослуживцев своим родным и близким. «Убитых наших нету, а раненые есть, да среди них и мне шрапнелью клочок спины вырвало. А ребра целы. Лечут. Ох, Мотя, Мотя! Да знала бы ты, как я стосковался....».

Тут Анисия Федоровна приумолкла. Мама сияет, люди тоже заулыбались, ждут

Ну, а дальше – то че? – спросил кто – то.

Читай, Федоровна.

Анисия Федоровна улыбнулась и сказала:

- Ах, какой он у тебя, Матрена Лукьяновна, чудоковатый.

- Мужик игривый, - сказал мужской голос.

- Ой, да хлебом не корми. Чудак да и только, - не без гордости соглашалась мама.

- Ну, так вот что он дольше пишет, - Читает Анисья Андреевна : «Ох, Мотя, Мотя! Да знала бы ты, как я стосковался... о твоих морковных шанежках! Без них вся моя боеспособность на убыль пошла...».

Тут грянул громкий хохот, а мама наша, как бы растерявшись, стянула с головы на лицо платок и заплакала. Отчего заплакала – никто так и не понял. Бывает ведь, когда от радости плачут.

ТИФОЗНИКИ.

В годы гражданской войны с обеих сторон противоборствующих армий гибли воины не только от пуль и снарядов, но и

от разразившегося, ранее мало известного в наших краях, тифа.

Общеизвестно, что распространителем тифа является вошь. А ее в те роковые годы, когда брат на брата шел войной, было предостаточно.

Условия для размножения вши были идеальные – солдаты месяцами не мылись в банях, не раздевались. Мыло в стране было дефицитом! В гражданке, например, заменять мыло научились березовой золой, имеющей свойства щелочи.

Летом в 1919 году в нашу станицу Новопавловку прибыли отступающие белые. Их нагрянуло так много, что кажется во всем селе, во всех избах не было не одной «щелки», которая не была занята солдатами. Наша семья из 5 человек (отца не было, он был в бегах), имея дом из двух комнат, вынуждена была ютиться на полатах и на печи. Но потом мы и их вынуждены были оставить и перебраться в плетеный хлев с погребом.

Тогда мы не знали, почему одна армейская волна, вдруг нахлынув и поживя недельку – две, потом вдруг, да еще ночью, исчезала, а на смену ей появлялась новая. Мы только сделаем уборку в доме, разместимся, а тут снова квартирмейстеры приходят и одним росчерком древесного угля на чувале печки напишут: «20 воинов разместить!». Это значит, что нам снова переселятся в хлев. Однажды мать наша запротестовала – не дам, дескать, избу, у меня дети, ночи холодают, но квартирмейстер нагрел ее нагайкой так, что она взвизгнула, и мы снова переселились в хлев.

И только к концу сентября нам удалось вселиться в горницу, а солдаты один к одному уплотнялись в прихожей, на печи, на полатах и даже на полке, куда мать ставила сеяльницу с мукой, а теперь по два солдата – голова к голове – проводили ночи. На полу спали сидя, в обнимку с винтовкой. Осенний холод загонял всех в избы.

Вот тогда – то и разразились в армии чесотка и тиф, перебросившись затем и на гражданское население.

В семье я первым заболел тифом. Врачей тогда не было. Наш сельский священник еле успевал отпевать предсмертников. Отпел он и меня, о чем я узнал через день, когда пришел в сознание.

Поспешно отступая в октябре, белые своих тифозных оставили на милосердие хозяев. Оставили и у нас солдата, которого звали Ефремом. Он часто был без сознания. Уложили его на кухне, на широкую деревянную кровать. Меня «поселили» на печь, а мать с ребятишками обосновалась в горнице.

Но мать не покидала нас, тифозников, следила, ухаживала, и мы оба с Ефремом, от невыносимой боли сильно стонали, просили: «Воды, ой пить, дайте пить!». Придя в сознание мы спокойно разговаривали:

- Ну, как, казак? – спрашивает он.
- Ничего вроде.
- А что стонал – то ночью? Ты же мужчина, а как девчонка.
- А ты тоже стонешь, когда спишь.
- А не врешь?
- Не вру.

Когда станицу заняли красные и узнали, что у нас в избе двое тифозников, то красноармейцев вселять не стали. Но в тот момент, когда Ефим был в безсознании, к нам на носилках занесли тифозного красноармейца и, что называется, завалили его рядом с беляком Ефремом. Сказали матери: - «Выходи его, хотяюшка. Мы будем навещаться и приносить ему еду с кухни». Кстати, полевая кухня дымила перед нашими окнами.

- Звать – то как, бедняжку? – спросила мать. Сказали: «Василием» и ушли. Оба тифозника были без сознания. Стоняли, бредили, а потом и я погрузился в сон. Не знаю, сколько прошло времени, как однажды разразился большой скандал: Василий оказался на ногах и принялся стаскивать с кровати Ефрема. – А –а, белогвардейская шкура, защитник золотопогонников, буржуйских сатрапов! А ну, скажи – ка, гадина, сколько тебе задано?!

Вялый, вконец измотанный тифом Ефрем мычит:

- Ну что ты... Не трогай меня, не трогай... Стрелять буду, буду стрелять.
- Ах, он еще стрелять! – кричит Василий и сбрасывает с койки Ефрема.

Наша мать в испуге выскочила из горницы, что есть силы закричала:

- Ты что делаешь – то? О, господи!

- А вы кого мне подсунули? Убью колчаковца!

Видно от испуга, или очередной цикл болезни наступил, я тогда потерял сознание. А когда очнулся, их уже не было. Койка была по – прежнему прибрана. Мать сказала тогда: - Увезли их обоих в город, в больницу. Многих нагроулили в короба и увезли.

- А меня? – спросил я – Я ведь тоже больной.

- О, Господи! Да разве я сама не выхожу тебя, сынок?

И выходила. Но через два года на меня навалился новый, так называемый возвратный тиф. Снова, как мне сказали потом, священник меня в бессознательном состоянии благославил на тот свет.

АВСТРИЯКИ.

В августе 1917 года в Новопавловскую станицу пригнали истощенных голодом из лагеря, что находился у пятого лога, 22 военнопленных венгра. В предписании атаману было приказано распределить их среди нуждающихся в рабочей силе, а хозяев обязать обеспечить пленников сносным питанием и использовать их на работах в личных хозяйствах.

Атаман Ефим Шумаков, только что сам вернувшийся с турецкого фронта и был избранный на эту должность, покопался в затылке, решил: срочно пригласить всех вдов и тех баб, у которых мужья все еще где – то и с кем – то воюют, и предложил им работников.

К приходу баб высокорослые венгры были выстроены в линейку у крыльца канцелярии. Стояли они молча, понуро. Обмундирование на них изношено в прах, грязные – видно, в чем ходили днем, в том и спали ночью. Появились любопытствующие.

- Ну што, проклятые австрияки. Довоевались, заразы?! храбро прохаживает вдоль линейки низкорослый толстяк в жилетке, с золотой цепочкой на груди, в брюках с лампасами, как тогда говорили, чегренивых сапогах. – Мало вас морили мало! На смерть бы достойно. России захотели?! Да вас, вон подвести к яру и, к чертовой матери – в Ишим!

- Ты что, Захарыч, безоружных да заморенных атакуешь? – опираясь на костыль, подпрыгивая на одной ноге, спросил инвалид войны Андрей Ушаков.

- А тебе – то, Андрей, че?

- А то, что они никакие не австрияки, а венгерцы, и при первой же встрече с нашими сами, добровольно, всей армией сдались в плен. Захарыч громко засмеялся:

- Значит дрейфу дали, ха – ха.

- Да не дрейфу, а не хотели воевать с нами – русскими за германского Кайзера. Понял? Вояка! Не нюхал пороху, а рассуждаешь.

- Ох, Андрей, не то калякаешь. Как бы чего не вышло. Иноземцев – наших врагов под защиту берешь?

- И возьму. А тебя, в гроб мать, вот возьму да на их глазах накостыляю!... Человеком надо быть!!

Венгры почувствовали, что есть заступники, оживились, заговорили между собой.

Со всех четырех улиц бабы сошлись к канцелярии. С удивлением рассматривая чужеземцев, они сгруппировались у крыльца. А вскоре и атаман с окружением, состоящим в основном из бородачей, вышел и коротко сказал:

- Вот что бабоньки. У всех у вас рабочих, а главное, мужских рук не хватает, а на носу – то что? Страда! Я верно говорю?

- Верно – то, верно, а к чему все это? – раздался голос.

- А вот к чему. Перед вами пленные. Кто они? По всякому называются: австрияки, венгерцы, мадьярцы, хорват какой – то. Но главное – люди они. В лагере у Поганого лога, они с голоду мрут. Посмотрите, какие худорбаи. Кормить государству их не чем. Вот власти и решили: растолкать их по деревням и заставить работать. А посему, выбирайте себе в работники, какой кому по нраву... С недельку откормите их, а потом в дело. Видите, как оголились тела. Есть же какие обноски мужьев ваших.

Бабы не стерпели, шум подняли: «Ишо чего захотели! А может ишо и в постели к себе поуложить их? А мужина – то одежда и обука – святы для нас. Отправьте лучше их к своим женам или к тем, кто прислал их.»

- Пустой разговор, бабоньки! Прикиньте мыслишками.

- А я уже прикинула, - громко сказала Прасковья Ченсова, подошла к одному венгру и с усмешкой пригласила: «Пойдем,

австрияка. Хватит мне одной тужиться. Петро – то мой может давно землей засыпан, а мне хозяйство уже не в могу. Да и всем вам, бабы, немогуту. Че боитесь – то, выбирайте. Сама поманила пленника, а он послушно пошел за ней. Тут спохватились и другие бабы, заспешили уводить по одному венгру. Так вот и разобрали всех. Атаман решил, что с венграми все обошлось благополучно. Но на другой же день стали прибегать одна за другой вдовушки и слезно жаловаться, на себя же, что обкормили голодных, теперь они умирают! Животы у них скрутило. Атаману – забота, пришлось посылать подводу в город за доктором. А Аксиныя Казарина прибежала вся в слезах и заявила:

- Уберите от меня этого мадыярца! Я ему толкую, что меня звать Аксиныя, а он одно и то же толдычит: «Касвинья», да Касвинья!» А соседи вон услышали и-ха-ха, прозвище мне «Касвинья» пришили.

- Веди его сюда, а я ему втемяшу! А ежели кто из наших назовет тебя Касвиньей, в каталашку упекем! Так и упреди своих соседей, язвить их в душу! – возмутился атаман.

«На всех парусах» так же прибежала Аграфена Боянова:

- Ой, атаманушка наш! Огради от беды. Мой – то басурманин че придумал. Набрал где – то поганных груздей, сам нажарил и жрет, да хвалит. Умрет ведь, а мне ответ держать.

- Значит ты продолжаешь морить его, - взорвался атаман, - вот он и жрет чего попало. Вон другие - то обкормили, а ты выходит, заморила мужика.

- Да как – же. Я ему и картошку и творогу. Хлеба. Да сыт он, а вот что - бы стравился и сознательно умереть. Не иначе.

- Не приведи господь! Отвечаем за каждого, - сказал атаман.

К счастью, в канцелярии были люди, в частности, учитель – догадались, что это не поганные грузди, а шампиньоны. Больше всех начудила Агафья Севастьянова. Она одела Иштвана в полную казачью форму от своего погибшего мужа. Это возмутило всю станицу. Нехороший ропот, словно паводковый вал бурного Ишима, нахлынул на нее и рикошетом – на самого атамана, который, якобы, позволил Агафье самолично произвести пленника в казаки. Да мыслимо ли такое!

Разгневанный атаман пригласил их обоих в канцелярию на совет старейшин.

- Ну, Агафья, была бы ты мужского полу – пороть тебя плетями. На вот тебе ножик и немедля спори с брюк лампасы! И гимнастерку снять! Надо же – вся станица балдеет от твоего чудачества... Что молчишь – то?

- Ты же сам велел подождать их. Вот я и одела в мужнeno, который довоевался, погиб на турецкой земелюшке. (Плачет)

- Срезай лампасы! И не разводи нюни!

- Если их срезать – штаны развалятся.

- Тогда сними тут же с него все одеяние славного казака Прохора!

- Да нет же! Изголятся над человеком не буду!

- А тогда мы сами снимем! – подскочил один из старейшин.

- А я тебе, Никифор, бороду выдеру!

- Что? Да как же ты посмела?! – кричит атаман.

- Обойдемся и без формы.

Схватила Иштвана за руку и, в одном белье, через всю станицу повела его домой, приговаривая: - Ничего, Ванюшка, все обойдется. Поживем и еще детишек наживем.

Возможно, их дети еще здравствуют (они у них были). Возможно, прочтут мой непридуманный рассказ.

КАК ИСЧЕЗАЛИ СТАНИЦЫ.

В энциклопедическом словаре Ф. Павленкова (1913 г. – Санкт – Петербург) говорится, что станицы – это казачьи поселения, в которых сосредоточивается административное управление как самими станицами, так и принадлежащими к ним поселениями и хуторами.

Насколько я помню, в нашей Новопавловской станице платными штатными единицами в управлении были только писарь да казначей. Атаман избирался на сходке казаков и трудился он «за так», бесплатно. Ему воздавался большой авторитет, беспрекословно исполнялись его распоряжения. Существовал так же Совет старейшин. Порядки были полувоеенные, но демократичные.

Насколько помню, да и архивы подтверждают: приход Советской власти наша станица приняла благожелательно. Канце-

лярия была заменена на станичный ревком во главе с председателем ревкома.

Были ли правительственные указания об отмене названий станиц – никаких документов не обнаружено. Ясно одно: омена переименований станичных, сельских и аульных ревкомов в сельские Советы названий станиц не стало. Начался упадок многих хороших традиций казаков: спаянность, взаимопомощь и вековой дружбы поселенцев. Наступил дух отчуждения и казаки стали покидать вдруг охладевшие насиженные места – кто – то устремился в город, а кто – в теплые края, но большинство – на свои пашни. В 1923 году Новопавловку покинули жители свыше пятидесяти дворов. На пашнях появились три хутора: Черепково, Пеньково и «Пахарь Сибиряк» (Софонково). Предела станица, заросла лебедой и полынью, многие дома заброшены, исчезли церковь, ветряная мельница, звонкая гармонь.

В 1919 году было приказано сдать свои собственные винтовки и шашки, которые в мирное время служили украшением изб казаков и служили памятью о славных походах, о войне с кайзеровской Германией, ее союзником Австро – Венгрией. Все – таки наступление мира казаки восприняли с радостью,несли свое оружие в ревком без особого сожаления. Но не знали, что с этим развенчанием постепенно будут исчезать и военная культура, и славные традиции казаков.

Широко известен, ныне покойный, наш земляк – краевед М. И. Бенюх. Изучая в Омске архивы, нашел он документ, который свидетельствует о том, что станица Новопавловка являлась выселком Петропавловской крепости. По документам архива установлено, что в 1772 году деревня Павловская (Новопавловка) населена отставными солдатами и драгунами из крепости Петра. Там же, в Новопавловке, он в среде первооткрывателей встретил казака Аверина, который, по предположениям, был не иначе как мой прадед. Мои родители по традиции, исходящей от предков, держали родственные связи с семьями Лыдкиных, Сидельниковых в станице Кривозерной. В 1919 году там случился большой пожар, много домов сгорело, так новопавловцы всем скопом оказали большую помощь погорельцам, организовали сбор денег, направили обоз с лесоматериалами.

Многие новопавловцы также держали приятельские и родственные связи со станицами – Архангельской, Новокаменской, Покровской, Вознесенской. Моя двоюродная сестра вышла замуж за казака станицы Плоское, ее дети и поныне здравствуют.

Казаки соседних с городом станиц сближало еще то, что ежегодно, по окончании посевной, по команде головной станицы (подгорная часть города) проводились военные сборы. В окрестностях озера Пестрое разбивался палаточный лагерь и там несколько недель проводились учения – джигитовка, рубка лоз, стрельба в цель, штыковая атака и др.

Хотя ежегодные учения не очень – то нравились казакам, но служба в армии считалась большой честью. Парню 17 лет, а у него – свой конь, вся своя боевая оснастка: седло, шашка, винтовка. А главное, парень накрепко, душа в душу связан с собственным конем.

Стройность, подтянутость казака были в почете. В станице не было освобожденных физруков, но массового спорта было куда больше, чем теперь. Бывало, в воскресные дни старики и молодые устраивали с молодежью конные бега – кто кого обгонит. На площадях задорно играли в лапту, в городки, устраивали борьбу. На борьбу многие ходили в соседний аул, чтобы потягаться силой и ловкостью с борцами – джигитами.

В традиции казаков были заложены такие житейские поветы, как, например, строгое почитание старших. Помню, как в детстве нельзя было пройти при встрече с пожилыми, не сняв картуз, не поклонившись ему и не сказав: «Здравствуйте, дядька».

Гордость за принадлежность к казачеству прививалась с детства. Тебе еще 7, а праздничные брючишки твои с лампасами, картуз с красным околышем и лаковым темляком.

Дружба, спаянность, взаимовыручка казаков были достойны похвалы. Я не помню, чтобы в летнее время без повода в станице появился казак в нетрезвом виде. Другое дело зимой. Свадьбы, престольные праздники – тут и песни, и шутки, и состязания. Да, чего греха таить, были и драки – стенка на стенку, край на край, брат на брата, сват на свата, но бои были строгими, кулачные, без жертв.

Если кто – то на кого был в обиде, то, как правило, дольше как до «Прощеного воскресенья». Был такой день в начале марта, да он и сейчас есть в священных календарях, только к сожалению, о нем мало кто помнит, а у нас в станице, бывало в этот день муж с женой приходили к обиженному и просили прощения. И не было такого случая, чтобы обиженный не простил. Все, обычно кончалось поцелуями и дружественным столем.

Вот сейчас мы очень много материалов слышим по радио, телевидению, читаем в газетах и журналах по охране природы. Есть, и комитет по экологии и биоресурсам, а придешь в любое село, да пройдешься по соседним лесам, и тебе становится жаль – всюду стихийные свалки, загрязнения. В лесах исчезли птицы.

Невольно вспоминаешь другой старинный наш обычай, когда станичники, без всяких директив и агитации, а по человеческому долгу рачительно берегли окружающую среду – отчищали лес от валежника, в чистоте содержали свои дворы, по субботам дружно выходили с метлами и подметали улицы.

Как – то в архиве мне подвернулся интересный документ в порядке выделения земельного надела казаку. От него требовалась клятва следующего содержания: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Евангелием о всем, что по производимому в Сибирском казачьем войске распределению земель до съемки с размежевания для узаконенных наделов в юртовое казачье владение войсковое и в частное потомственное пожизненное владение относиться с совести и никак не скрывать истины. Перед Богом и судом своим страшным всегда в том ответ дать могу. В заключение всей моей клятвы целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь». И подписать.

К большому сожалению, за годы Советской власти многие замечательные традиции неоправданно были забыты. Все попытки казачества что – то сохранить из них рассматривались как контрреволюционная прихоть. И вообще, казачеству приписывались многие «грехи» с избытком и часто незаслуженно. Например, в 1988 году сел я в наш экскурсионный автобус. Было все нормально до тех пор, пока экскурсовод, ознакомив нас

том расстрела группы видных советских и партийных работников в июне 1918 года в Пятом логу, вдруг сказала: «А вон там, в Борках, была казачья станица Новопавловка. Она вошла в нашу историю как бандитское контрреволюционное гнездо...» Это меня буквально ошеломило, но я сдержался. А позже потребовались доказательства, но их, как и следовало ожидать, ни у экскурсовода, ни в каких документах и исследованиях не оказалось.

Мой отец с приходом Советской власти был председателем уездного ревкома. В дни контрреволюционного переворота он находился в селе Красноярка у братьев Бухониных, затем – на станции Захара Евченко.

С приходом Красной Армии в 1919 году он снова занял свой пост и в том же году вступил в ряды РКП(Б).

Поэтому я прекрасно знаю и смею утверждать, что казаки в станице и Кривоозерской станиц в контрреволюционном перевороте в 1918 году и в кулацком восстании 1921 года не участвовали вообще, к творимым тогда зверствам не причастны. Кроме того, сибирским казакам некоторыми борзописцами приписывался шовинизм по отношению к казахам. Ну кто и где видел какое-либо гонение на казахов со стороны казаков? Нельзя же рассматривать всерьез какие – то бытовые анекдоты или неприличные «колючки».

Насколько помню, казаки с казахами жили дружно, обычаи и традиции взаимно уважались. Например, в 1923 году мы вместе с казахами стали первожителями хутора Пеньково. Теперь это село – центральная усадьба ТОО «Рощинское». В селе добрая половина населения казахи, живут там немцы, украинцы, представители шести национальностей. Среди них сохранились и потомки сибирского казачества. И все пеньковцы живут безо всякой розни, дружно.

Нынешние социально – политические перемены позволяют преступить к восстановлению всего доброго, но безрассудно подчеркнутого из нашего общества, восстановить духовную целостность, беззаветный патриотизм в защите границ нашего Отечества.

С этой целью следовало бы создать музей или отдел в музее истории сибирского казачества, обнародовать в печати луч-

шие произведения о традициях казаков, их сказания ...

НЭП В МОЕЙ ПАМЯТИ.

(Далекое – близкое)

Мне было двенадцать лет, когда началась реализация новой экономической политики. До этого, начиная с 1920 года, мы «пожинали» плоды многолетних войн: первой империалистической, гражданской, с десантами Антанты. Мужское население не производило материальных благ – все были под винтовкой. Страна наша истощала, а хлеб понадобился всем: Москве, Петрограду, голодному Поволжью. В период «военного коммунизма» продразверстки, как и всюду, в нашем селе очищали хлебные сусеки под метлу.

Стремительно просекались зловещие зубы голода. На голодных людей незамедлительно нахлынули ранее невиданные болезни: тиф, лихманка (малярия), красная сыпь. Исполненное недовольство крестьян продразверстками, офицерству, пришедшему после разгрома Колчака, в феврале 1921 года удалось поднять крестьянское восстание. Значит, еще одна беда добавилась. В апреле того же года нахлынул нещадный джунт (голодающие лица), уничтожив почти весь рогатый скот. Особенно у кочевых казахов, не имеющих крытых помещений. А лето выдалось такое, что от весны до августа ни одной тучки. Не успели позеленеть поля, как солнце их выжгло, зерна хлеба не дали ростков. Не оказалось даже картошки. Люди металась в поисках пищи. Все лучшее везли в Сухотино, где был урожай. Вещи, коней мы брали на пшеницу, пшено, овес. В озерах драли «мучку» (рогоз для себя, а для корму скоту косили камыш, драли мох, рубили ветки деревьев.

Дождавшись осенних заморозков, забили весь скот на мясо, оставив по одной лошади и одной корове.

Зимовали впроголодь, без надежды на улучшение. Но весной 1922 года радостное событие: государство выделило нашему селу немного проса и семенную ссуду для посева. А главным образом то, что еще больше оживило людей, – принято было решение правительства о введении НЭПа. Разверстка была заменена продналогом.

Людям разъяснялось, что изъятие излишков хлеба в госу-

ударственную собственность отныне отменяется и крестьянин сам мог распорядиться своим хлебом – продать по своему усмотрению на рынке или сдать государству по рыночной цене.

Крестьяне стали объединяться в товарищества по совместной обработке земли, сельскохозяйственные артели.

В том году мы, 10 семей однолошадников, объединились и на следующих угодьях совхоза «Рощинский» засеяли клин из расчета по 3 десятины на семью.

Урожай выдался. Люди обеспечили себя хлебом, запасли мясо, некоторые излишки продали государству по рыночным ценам.

Несколько помню, никаких давлений и команд сверху мы не чувствовали. И вообще за годы существования НЭПа никаких уполномоченных мы не видали.

В лето 1923 года все десять дворов, «держась друг за друга», покинули свою станицу Новопавловку, выехали на постоянное место жительства – хутор Пеньково. А в следующем году к нам подселились восемь семей казахов из кочевого аула Исмаилов. Жизнь их тоже была скудновата, но лошади у них были, и в трудные дни выручали нас тяглом, а вскоре и сами приступили к хлеборобству.

Плодородные земли, сочные травы, озеро, наполненное рыбой, подоплывающей птицей, богатые зверьем леса – все это при свободном, вдохновенном, напряженном труде, конечно, особенно летом, способствовало быстрому улучшению жизни крестьян. Например, в нашем селе к 1924 году люди заменили серпы и косы на конные жатки – лобогрейки и сенокосилки «Мая – Кормик». Скрипучие телеги на деревянном ходу заменили на «Железный ход». Семьи обзавелись скотом, птицей.

А главной, думаю, причиной успеха было то, что никто не подавлял личную инициативу людей.

Как – то дошел до нашего села слух о том, что в селе Бугорском Иван Семенович Нетесов приобрел колесный трактор «Фордзон», обработал им 60 десятин и вырастил невиданно богатый урожай. Тогда пеньковские мужики тут же засадили свои коней и аллюром туда. Посмотрели, что за чудо, а потом заговорили: как бы нам на два – три двора сгоношиться, да

тоже купить стального «коня». Очень верили, что в недалеком будущем мечта такая осуществится.

Не помню, кто из пеньковцев в 1924 году имел молотилку, но выручала она все село. До нее мы молотили хлеб цепью зубчатым катком, копытами коней. А тут – облегчение. Любопытство это радовало.

Был такой случай. Зимой в 1924 году отец говорит мне: «Вот живем – то мы теперь в достатке, а чего не хватает в деревне? Музыки не хватает. Давай купим гармонь».

- А деньги? - спрашиваю.

- А у нас пшенички излишек. Продадим элеватору и купим гармонь».

Я, конечно, обрадовался. Нагрузили мы с ним шесть молотов зерна – и на элеватор. А там обозами повезли зерна: соевые, овсяные, вагулинцы, бишкульцы, - одним словом, отовсюду. Приемщики виновато разводят руками: все, дескать, емкости полнены, принимать некуда.

Приехали мы на базар, а там тоже много подвод с хлебом. До вечера мы с отцом продали всего – навсего 3 пуда по 60 копеек на 1 рубль 80 копеек, а на гармонь нужно 40 рублей.

Пока я торговал, отец обошел все соседние базары: сено, дровяной, овощной, барахолку. Изучив, что называется, конъюнктуру рынка, сказал:

- Выгоднее торгаться нам дровами, нежели хлебом. 3 рубля – коробок. Десяток коробов и гармонь будет наша. Сухостоя да валежника в лесах много. Да и город рядом.

В годы НЭПа особенно активизировались деловые, предприимчивые люди города: торговцы, кузнецы, частники и кооперативные колбасники, пекари, шорники, пимокаты, мясники, лавары, кожевники. В полную нагрузку заработали маслобойки, прососушки. Известны были мельницы Полякова, Мазаева, Мухоморова, водяная – на реке Ишим, замахали ветряные мельницы в селах. В магазинах появились конфеты местного производства: «Раковая шейка», Гусиные лапки» и разнообразные хлебные выпечки предпринимателей Давыдова и Тенигина.

Вокруг базаров было множество ларьков, харчевен, фирменных столовых, блинных, пельменных, пирожковых.

Шла бойкая конкурентная борьба за привлечение покуп

и покупатель, естественно шел к тому, у кого вкуснее и дешевле.

Хорошо помню, например, чесночная колбаса стоила 20 копеек за фунт (400 граммов), копченая – 30. Так что, продав коровы дров (0,5 кубометра), можно было купить килограммов пять семь чесночной или пять-шесть копченой колбасы.

Икусовые качества нынешних колбас и хлебных выпечек имеют никакого сравнения с теми. Хорошие рецепты нынешних колбасники и пекари, видать, подрастеряли.

Тогда высоко котиrowались кондитерские изделия кооператива имени Панфиловой, монаховские и стромовские пышные булочки, лепешки белого хлеба с наливкой.

Деловые люди города имели широкие связи с селами и аулами. То и дело появлялись закупщики скота, кож, овчин, сельхозпродуктов, рыбы и даже раков для своих пивнушек. В зимнюю пору тюменцы обозами на санях-розвальнях везли в город мясо, рыбу, зерно, птицу, конопляное и льняное масло, самодельные льняные изделия. Бойкую торговлю развернули китайцы, которых в те годы (до событий на КВЖД) в нашей области было много. Однако, годы НЭПа имели и свои отрицательные стороны. Отсутствие контроля и регулирования рыночной цен быстро привело к появлению беззастенчивых дельцов, всякого рода шулеров, которые действовали по принципу: «Что продаю, то и ворочу». В торговле участилось мошенничество. Приведу пример. Новопавловская кооперация закупила в городе сапожки два мужских сапога у которых подошвы оказались... из переработанного картона.

Но на размах предпринимательства в целом подобные исключения заметного влияния не оказывали. В городе, словно грибы, росли кустарные мастерские по шорным делам, изготовлению саней, телег, ходков, саней, оснастки для упряжи, сапожные мастерские, жестяных изделий. Расширилась сеть торговых точек, столовых, закусочных.

В 1928 году мы слышали серьезные обвинения, прежде всего направленные против зажиточных крестьян, которые в условиях НЭПа начали превращаться в кулачество, и обладали большими запасами хлеба, отказываются продавать его

государству по ценам, определяемым правительством. Кулачество – де терроризирует середняков и бедняков, продавших излишки хлеба государству, а кулаки всячески пытаются ослабить и подорвать колхозное строительство, на каждом шагу вредят тем, кто вступил в колхоз, поджигают хлебные сыпные пункты, убивают из – за угла партийных и советских работников в деревне. Что здесь правда, а что нет, мне по малолетству судить было трудно. Я ведь вспоминаю свои личные впечатления. Но чем это закончилось известно: сплошная коллективизация, и ликвидация кулачества как класса. К сожалению, вышло так, что многое хорошее, что складывалось веками в сельском хозяйстве, было уничтожено. Наша семья, в которой росло пять братьев – потенциальных хлеборобов – и одна сестра, в 1929 году, под угрозой политических репрессий, вынуждена была покинуть свое село, своих близких, которых мы так любили!

Современные поколения должны увидеть прошлое во всем многообразии цветов, оттенков, а не только в черно – белом изображении. А история рассудит, что было хорошо, а что – плохо.

ОСТОРОЖНО – ИСТОРИЯ!

Ехал я в автобусе в сторону Новопавловки. Смотрю на пассажиров: одни мирненько переговариваются, другие глубоко-мысленно мечтают, некоторые дремлют, а то и совсем спят.

Полушепотом одна женщина спрашивает дружку:

- Дачка – то твоя в котором месте?
- В Борках. Возле самого кладбища.
- Так и моя тоже там – в Борках.

Зная все эти места, обеганные еще босиком в детстве, я невольно вклинился в разговор, спрашиваю:

- Это почему вы, бабоньки, новопавловскую рощу называете Борками? Борки – то, вон, по соседству в косогоре, как бы сползающие в излучину Ишима, а это – не Борки, а роща. Исконно Новопавловская роща.

- А мы – то, дачники, причем? – возразила вторая женщина – В наших документах сказано, что дачный участок отведен в новопавловских Борках. Какая разница – то?

Я не стал доказывать им «разницу», но взял себе на

заметку, что надо сделать все, чтобы сохранить прежние названия каждому уголку, каждому лесному массиву, озеру, реке, пригорку, обрыву. Ведь многие места на широких просторах владений любого села, аула, района, области имеют какую – то свою историю, а это для нас и особенно для наших потомков очень необходимо.

Представьте себе: наше новое поколение в наших же архивах обнаружит упоминание о песочной сопке высотой с пятиэтажный дом, похожий издали на огромную скирду сена длиной в сто метров. Насыпанную, нет сомнения, руками какого – то древнего народа, но какого? Печенегам, Гунами, Сарматами? Да бог их знает! Но то, что сопка из чистого речного песка не плод земли – матушки, а явно – творение многих, многих человеческих рук, это неоспоримый факт!

По рассказам моего отца, когда он был подростком, у подножья сопки красовались мощные сосны. И было загадкой – кто и когда их посадил и кто их уничтожил? Кстати, некоторые утверждают, что в Борках одному преуспевающему предпринимателю как – то в этом райском в то время уголке природы удалось кожевенный завод отгрохать и сосна ушла на строительство. Завод обильно загрязнявший Ишим, по настоянию новопавловских станичников, был прикрыт, а добротный красный кирпич был растащен горожанами в годы гражданской войны. Это уже и я помню.

Песок же сопки облюбовали наши железнодорожники, проложили туда рельсовую дорогу и за несколько лет вывезли его для подсыпки дороги на Омск.

Новопавловские мужики частенько, вооружившись лопатами, хаживали на заработки, загружали платформы песком.

Однако, наши современники – археологи не поспешили и не спешат заглянуть в основание исчезнувшей явно загадочной сопки, где, возможно, есть древнее захоронение. Пройдут годы и историки вдруг найдут в архивах сказ об исчезнувшей сопке, вот тогда и помчатся разыскивать место ее... в Новопавловскую рощу, кем – то когда – то по недоразумению названную Борками.

Помню, до коллективизации в наших хлебородных уголь-

ях, разбросанных меж березовых рощ, имели и веками сохраняли свои названия такие уголки природы, как, например, Маслов колок, Бояново болото, Казаринская береза, теплый колок, глухой угол, Беловская пашня, Мукатаева желява, что помогало ориентироваться.

А тут как – то, в пятидесятых годах, послали меня на посевную в колхоз им. Калинина. Вечером, на собрании, председатель зачитывает трактористам задания: кто где начинает готовить почву под посев.

И вот тут – то произошла тупиковая обстановка – он знает, но только зрительно, где тот массив, а точный адрес сказать не может, толкует трактористу примерно так:

- Жми в сторону Палочного. До Соломенного оденка доедешь, жми в право и там увидишь пустошь, которая ждет тебя.
- А если оденок сожгли? – спрашивал тракторист.
- А если сожгли – то, зола осталась. Гляди в оба.

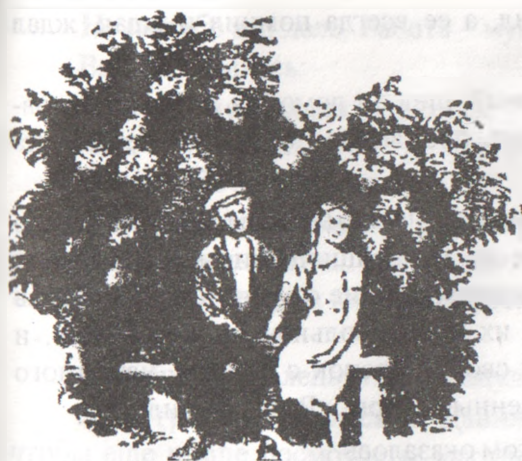
Напутствует второго:

- Помнишь, где в прошлую весну мы нашли нашу Карюху дохлой?
- Да. Помню.
- Вот от нее и начинай вспашку.

Мне не раз приходилось встречать жителей нашего города, которые не знают названия и расположение пригородных мест – Мещанскую рощу, теплые кусты, Куйбышевскую рощу и другие уголки природы, связанные с историей края особенностями окружающей город местности. А ведь это так необходимо даже чтобы просто ориентироваться в пути...

УЛЫБКА С ЯМОЧКАМИ НА ЩЕКАХ.

Данила медленно шел навстречу промозглому ветру и досадовал – в разбитый в прах ботинок проникла вода и остывшая левая нога в нем нудно чвакала. У выцветшей от времени фуфайки сухое место было только на его широкой спине, под вещевым мешком, с которым он не расставался со дня ухода на пенсию. Что в этом мешке – пожалуй сам бог не знает. Люди встречались редко, и никто не обращал на него внимания. Бомж да и только. Но благообразная под зонтиком старушка, чуть бы-

ло не прошла, да вдруг вернулась, приблизилась, впиалась своим взглядом в лицо Данилы и неуверенно заговорила:

- Извините. Можно вас спросить?

В голосе старушки Данила почувствовал что – то знакомое и даже родное, в памяти стало всплывать прош-

лое... Он растерялся, его неуклюже качнуло. Хотел заговорить, но дыхание перехватило.

Валентина мило улыбнулась, и Данила увидел те заветные ямочки на щеках, которые когда – то «прожигали» его сердце. Как – то нелепо, вяло он выдавил из себя:

- Жива, значит, Валя?
- Жива, Даня, жива! – радостно ответила Валентина.
- Ну и я, как видишь.
- Вот и хорошо, Даня.
- А что хорошего – то? Все хорошее давным – давно кануло в небытие...

Перебросив мешок на другое плечо, не попрощавшись, Данила молча повернулся и «зачавкал» своим путем.

- Даня! Да ты выслушай. Я же, я ни в чем не виновата, - услышал он за спиной...

Но Данила решительно шел, шел дальше. А вскоре вдруг остановился, перевел дух и сокрушенно пробормотал:

- Что со мной? .. Сон или явь? Как же так? Всю жизнь ждать встречи и просто так уйти ... Какой же я топор! Непременно надо догнать!

Но было поздно. Валентина, прикрыв голову зонтиком, не оглядываясь удалялась от него.

Был бы моложе – догнал. Несомненно бы догнал! Извинился бы. Как просто и безрассудно испортил он долгожданную

встречу. Двух жен пережил, а ее всегда помнил и ждал, ждал встречи.

Вот так, обескураженный, шел он домой, а в памяти, словно из фильмов прошлых лет, проплывали кадры их первой искренней, чистой любви

Ему, колхознику, было шестнадцать, когда в газетах было опубликовано «мудрейшие из мудрейших» письмо Сталина к народу под названием «Головокружение от успехов». Прочитав его, люди вспомнили, как их «добровольно» «заколхозили», и они в тот же день забрали своих буренок с общего, неуютного загона и отогнали в собственные дворы. «Расколхозились».

Да не надолго, как потом оказалось.

В городе же НЕПманы в эту пору не знали, куда им деться. Этих купцов – «мироедов» стали притеснять тогда со всех сторон. В моду вошли весомые словечки: спекуляция, реквизиция, контрибуция... Вот и начался «купеческий исход»: кто – то свернул свое дело, сник, притаился, кто – то «примкнул к пролетариям», а кто и вовсе уехал в таежные глухомани или в «азиатчину». Но вот три семьи НЕПманов, прибыли и как – то ловко, с согласия общественности, вжились в даниловую деревеньку. Вот тут –то впервые Данила и увидел чарующую улыбку с ямочками на щеках, которые, словно жигалом кузнеца, пронзили его сердце и запомнились на всю жизнь.

- А ты кто? Пахарь? – как – то озорно спросила однажды Валя, когда он проходил мимо ее дома. Не успел Данила и вымолвить слово, как на крыльце появился ее отец, увидел его и воскликнул.

- О, Данила! Да ты уже с упряжкой. Ну, молодчина! Чтож, отведенную твоим отцом полоску ты знаешь. Так паши ее, а с урожая первый арбуз – тебе, первая дыня –тоже тебе. А я сию минуту мчусь в город за бахчеводом и семенами. Успехов тебе, Данила.

- Но мне нужен человек, чтобы первую борозду пропахать!

- Валентина, помоги парню, – приказал отец, а сам сел в фазтончик, хлестнул коня и помчался.

Озадаченный Данила сник.

- Да ты не беспокойся. Покажешь, что и как, а я не подведу, улыбаясь сказала Валя.

- Не по тебе это дело. Работа – мужицкая.

Валя засмеялась:

- Да я что, не человек? Поехали!

- Что, в туфельках? Там тротуаров нет.

- О, спасибо за подсказ!

Валя быстро вбежала в дом, переобулась. Данила, подложив на зеркальный отвал плуга свою телогрейку, усадил на нее Валью, храбро взметнул кнут на «коренного» и весело крикнул:

- А ну, залетные!

- Осторожно, Валенька! – крикнула с крыльца ее мать.

Валя громко смеялась, а Данила то и дело оглядывался, чтобы еще и еще посмотреть, как она там, да взглянуть еще и еще на ее удивительную улыбку с ямочками на щеках.

Получилось так, как он и предполагал: брать под уздцы коней и вести «по прямой» Валя не решилась побоялась фырканья коней.

Тогда Данька показал ей, как держать плуг, но и тут беда – с первых же шагов плуг мотануло так, что Валя отскочила и упала.

- Эх, тоже мне, пахарь! Ладно, поеду за братишкой.

- Нет, нет, Данила, я сама!

Данила, пожал плечами, установил плуг и строго сказал:

- Иди, еще покажу. Берись за ручки и вот так крепче держи.

Он прижал ее нежные руки к ручкам плуга, но и сам невольно прижался к ней, и тут вдруг сердце его хлестко забилося, ноги онемели, в голове – сумбур, пустота. Хотел что – то сказать, но горло перехватило. Валя все поняла и порывисто отпрянула, а растерянный Данька промямлил:

- Ты че?

- А ни че. Веди коней! – с наигранным гневом выкрикнула она.

- Ну и ладно. Посмотрю, как ты снова шмякнешься. Пахарь тоже мне!

Потом все у них получилось – первая борозда легла прямой черной струной. Уже возле дома, одарив Данилу своей задорной улыбкой, Валя махнула ему рукой и молча скрылась за воротами. Ох, как прочно «застряла» она в Данькиной башке! Трудил-

ся он в этот день без отдыха, забыл про обед, а Валентина ну никак не выходила из его головы.

На другой день отец вместе с бахчеводом и Валею поехали посмотреть, что там напал Данила. А он, как оказалось, не только вспахал, но и заборонил поле, чем вызвал восторг хозяев.

- Вот что, дочка, - сказал отец, - этого хлебороба мы непременно должны угостить, да повкуснее.

- Хорошо, папочка. Мы с мамой завтра же позаботимся.

На приглашение Вали пойти к ним отобедать Данила растерянно ответил:

- Да нашто все это? Садите свои бахчи, да и все тут.

Но Валя не отставала. Она обратилась к его родителям, а те не против. И Данила не выстоял, согласился:

- Ладно уж, приду.

Вечером, с помощью матери, он напялил на себя все лучшее свое и братьев, впервые «приторочил» галстук и надел дедов казачий картуз – семейную реликвию. Смазав пахучим дегтем сапоги, соколиком, через все село махнул к усадьбам непманов, что находились на отшибе от села у развесистой березовой рощи.

- Ты куда, Данька? – спрашивали его встречные «корешки».

- А на Кудыкину гору, - отвечал он.

Хозяева встретили его как самого дорогого гостя. Отец Валентины захвалил, обласкал, а после вкусного застолья долго расспрашивал о житье – бытье. И вдруг, как гром на голову, предложил:

- Слушай, Данила, будь нашим сыном, а? Вас пятеро братьев, сестренка есть, а мы вот всю жизнь хотели иметь сына, но не получается. Валюшка будет твоей сестренкой. Договорились? Данила не сразу сообразил, что сказать. Такие слова его просто словно ошпарили и крепко озадачили.

- Да нет, - тихо сказал он, - Диво какое – то. Я же ни какой – то сирота, у меня есть отец, мать, братишки. Да меня вся деревня осмеет.

- С твоими родителями я договорюсь. Куплю им сенокосилку, «мак – кормик», конные грабли и еще...

- Если тятя с мамой согласятся, так я сам не согласен.

- Ну что ж. Все, Данила, я понял. Извини, но тогда приходи к

нам почаще, учи нас сельскому хозяйству, заходи. И не стесняйся, а ты, Валюша, приобщи – ка его к чтению книжек, газеток.

В следующее воскресенье он провел у них весь день. Вместе с Валею, под развесистой березой, у двора они смастерили удобную скамейку, а в роще – качели. С этого и началась у них многолетняя дружба. Долго он не мог поверить: каким образом ее родители так просто доверили ему, грубоватому, необразованному парню, свою изнеженную городом дочь. Да что она сама то нашла в нем хорошего? Но дружба росла, крепла. Вскоре друг без друга они долго быть не могли. Часто, набегавшись по роще, накачавшись на качелях, они тихо ворковали на своей скамейке. При керосиновой лампе Валя читала ему про Стеньку Разина, Емельяна Пугачева, декламировала стихи, заставляла его самого читать, да так иногда засиживались, что, привалившись друг к другу, сидя засыпали до первых петухов. Вале очень нравились ночное безмолвие, благоухание, загадочная мудрость леса, то щедро освещенного луной, то погруженного во тьму вселенной.

- Я никогда в город не уеду, - говорила Валя, - Там душно и скучно

- Но здесь тебе придется мотыжить, полоть, копать, копнить сено, а то и стога метать, - подтрунивал Данила.

- А ты не пугай, Даня. Я же бахчи полю и поливаю...

Валентина действительно вращалась в сельскую жизнь. У нее появились подружки, с которыми на вечеринках она завидно танцевала краковяк, польку – «бабочку», играла в «третий лишний» и легко, с громким смехом, переносила боль, когда ее кто – то по спине огреет во время игры ремнем. Такая уж игра! В нее другие парни влюблялись, но Данила, не жалея живота своего, готов был с любым соперником сразиться. Как – то пройдоха Гришка Скобов, вроде бы в шутку сказал Даниле: «Хошь, я твою кралю намну?». Данька, не раздумывая, «вмазал» ему, а тот «сдачи дал». Да так, что вокруг глаза выразительно почернело.

Кто тебя, Даня? – в ужасе спросила Валя.

Да так, жеребенок лягнул, - соврал он.

Как – то, за обедом, отец спросил Валю:

- Что у тебя с Данилой, любовь?
- Папа! – обиделась Валя.
- Что папа!? – шумнул отец. А потом спокойно добавил: любовь не утаишь, доченька.
- Ох, осторожнее будь, – промолвила мать. – Деревенские парни рано созревают.
- Да вы что. Мы же еще несовершеннолетние. И мы не дураки, – сказала Валя. – Просто мы друг другу нравимся, вот и все.
- Вот и прекрасно. Тогда дружите до совершеннолетия, но с умом, искренне и ответственно сохраните первую любовь, так как второй такой уже не будет! А что это он перестал приходить к нам? Я видел его с подбитым глазом. Что с ним?
- А его лошадь лягнула.
- Вот как. Прямо в глаз?...Какой парадокс. А может в драке? А тебе соврал.

Парень – то он - ничего не скажешь, но деревня есть деревня, мать правильно говорит.

С тех пор прошло три года, юношеская дружба Данилы с Валей давно переросла в настоящую любовь. Приближалась пора женитьбы, да вдруг начались новые события: сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса, вызвавшие суматоху среди крестьян. Отец Валентины сразу понял, чем это пахнет для его зажиточной семьи, и сельчане были удивлены, как это он за один день, пригнав из города несколько конных упряжек с людьми, погрузил все вещи, разобрал дом и вместе с семьей, без звука, покинул деревню. Данила не знал об этом. Приехав с поля, поужинал и, как всегда, пошел на свидание. Но, проходя мимо двора мерзопакостного Гришки Скобова, он услышал его ехидную припевку:

Понапрасно Даня ходишь,
Понапрасно ноги бьешь,
Ничего ты не добьешься –
Дурачком домой пойдешь.
И расхохотался.

Нет, не из слабых был Данила, он все мог пережить, преодолеть, но как только он увидел останки двора, осиротевшие, с распахнутыми дверцами пустые сарайчики, заваленный клочья

ми мха фундамент дома любимой, в душе его словно произошел надрыв. Ноги подкосились, по телу прошла странная дрожь. Он с трудом подошел и сел на заветную, осиротевшую теперь скамеечку, и, как бывало в детстве, заплакал. Никак не укладывалось в голове: ведь только что здесь жил человек, на котором для него сошелся весь свет... Где теперь он найдет такого друга жизни? «Уеду и я, уеду в город, устроюсь, разыщу», – метался в голове мысль. Сидел он до наступления темноты. Домой шел не по улице, а окольным путем. Во двор зашел с задов. Увидев его, мать обрадовалась:

- Сынок. Слава богу, пришел! Испугались мы. Слух – то какой по деревне. Что, правда?
- Да, мама, правда, уехала – укатила.
- Господи! Сколько обуви сносил, сколько недоспал. Вся деревня считала: Валентина наша сношкой будет и вот те на! Отец ее, видно, не схотел? Ох, эти городские, де еще – купец. О себе только думают.
- Отец – купец, удалой молодец, – злобно процедил Данила.
- Не горюй, сынок, та еще встретишь ее, встретишь!

«Ах, как ты была права, мама. Вот и встретил! – рассуждал Данила, продолжая свой путь. В его ботинке по – прежнему чавкало, но он не замечал и продолжал рассуждать: «Конечно, она подумала, что я забулдыга... Нет, я должен ее найти! Надо привести себя в человеческий вид и непременно разыскать... А вдруг она тоже одинокая и ей тоже не легко выживать в наше «райское» время.

Так он и поступил. Навел порядок в квартире, в ущерб питанию приоделся, как – то воспрял духом, и теперь часто стал прогуливаться по той самой улице, где встретил ее свою любимую и так глупо расстался с ней. Теперь он пристально вглядывается в лица прохожих старушек и верит, что вновь увидит улыбку с озаряющими ямочками на щеках.

Вот уж, воистину: первая любовь не забывается, она постоянно ждет своего возвращения.

МОЙ ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ.

Меня очень рано тянуло к оружию. Я с великой радостью любовался охотником, идущим по селу с добычей. Бывало, если дома останусь один, то непременно загораюсь, спешу в горницу, а там с кровати достаю висячую на стене отцовскую берданку, рвусь в атаку на вымышленного врага, кричу «УРА!», а сам бегаю из избы в горницу, то по-пластунски ползаю.

Вот в такой – то момент отец и прихватил меня на месте. Я получил от него подзатыльник, да такой, что – аж слезы из глаз посыпались и штанишки сползли. Больше он ничего не сказал, ушел во двор. Не помню сколько прошло времени – год или два он подозревал меня и говорит:

– Хочешь стрельнуть из берданки?

Я удивился, а он:

– У Михайла Казарина сегодня свадьба. Так вот, когда из под венца молодые, жених с невестой, будут въезжать во двор, то их должны встретить стрельбой ... Заряжу я тебе порохом берданку, а ты вместе со всеми пальни.

Я не только согласился, а от радости запрыгал. А когда я вооруженный вошел во двор, переполненного людьми, все ухотались. Но потом все улеглось, меня зачислили в команду стрельцов. После долгого ожидания, в момент въезда свадебного эскорта, по команде «пли» мы нажали курки. Кроме толчка в плече да общего залпа я ничего, даже своего выстрела не почувствовал. И вот тут – то случилось неожиданное. Два мужика с графином вина стали угощать стрельцов.

– А ну-ка, самый настоящий стрелок, угощайся. Пей до дна!

Не помню, до дна, или нет, но «хлебнул» по глупости да под нажимом так, что ноги мои потяжелели, улица, дома – все закособенило. Ружье я не нес, а тащил за ствол. К утру, отец с матерью пришли со свадьбы и обнаружили меня спящего в подворотне в обнимку с ружьем.

Вся станица, особенно мои ровесники осмеивали меня, пьянчужкой обзывали.

НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ЗОВ

Природа не может перечить человеку, если человек не перчит ее законам...

А. И. Герцен.

ПООХОТИЛИСЬ ...

Дело – то было еще в 1922 году, а помнится как сейчас. Жили мы тогда в Новопавловке, а пашня наша находилась среди березовых колков, по соседству с озером Пеньково.

Пашен здесь было много. Весной за каждым колком слышишь покрикивание да посвистывание пахаря на своих лошадок: «Эй, вы, залетные! Давай, давай, милые!»

Нолюдно и шумно было недолго – дней пятнадцать весной и столько же в осеннюю страду. Остальное же лето было почти безлюдно, зато дичи всякой – целое царство.

Идешь, бывало, по лесу, а из под ног то и дело сполохом вылетают тетерева, а то зайчишки стрекача дают; всюду слышен раскатистый гогот куропаток и целое сонмище разноголосых певчих птиц.

Охотников в те годы было мало. Во всей нашей станице имели одноствольные берданки не более пяти человек, да и те сидели без дробин, в лучшем случае сами катали ее на сковородах, если подвернется свинец. Городские охотники дальше озера Кешкебиша, что за Мещанской рощей, почти не появлялись.

А какие идеальные условия для дичи были тогда с кормами. Ведь повсюду в лесах были заимки хлебобобов, а это значит – дерновая избушка с общими нарами на пяток пахарей, навесик с колодой для мешанки лошадям, и у каждого пахаря свой точок для обмолота своего урожая. Вот эти тока и были изобильной кормушкой для всякой дичи. После обмолота на токах оставались кучи зерновых отходов – сечки, сурепки, овсюга.

Вообще на заимках, да и в поле, в те годы люди оставляли в зиму скирды и стога сена или не обмолоченного хлеба. Теперь это – как сон. Приходится удивляться, ведь не было же раньше краж и безрассудного озорства, как это процветает теперь. Был грех, была совесть, взаимное уважение людей. Так что животному миру жилось сытно и вольготно.

И все же охота на дичатинку у сельчан была если не ружь-

ем, так хитростью: кто – то зайчишек ловил с помощью ямки, накрытой колосьями хлеба или проволочными петлями на зимних тропах, а на токах ухитрялись ловить косачей да куропаток петельками из волос конского хвоста или накрывали птиц коробом или сеткой.

Нам с братом Ванюшкой больше всего нравился способ лова рябчиков, которых на нашем току мы неоднократно видели табунками, коробом. Теперь такая «охота» называется браконьерством, но тогда такого слова люди не слышали и не знали. Больших трудов нам стоило уговорить отца с матерью разрешить самостоятельно поехать на заимку и на току наловить рябчиков: «Уж больно вкусные они» говорили мы, и родители отступали. Вспоминается одна такая «охота»!

День выдался лучше и не надо: тихий, теплый. Свежий ночной снежок слепил глаза. Гнедко нас хорошо понял: как только мы въехали на гору, он без понукания пустился своей традиционной рысцой прямо на заимку. Мы ликовали, мы предвкушали богатую добычу, а потом и славу среди своих дружков.

Еще издали мы увидели, как разлетается и разбегается вся дикая живность с нашего тока.

– Ничего. Далеко не разлетитесь! – воскликнул Ванюшка.

Мы все сделали так, как подсказали нам люди с опытом: лошадь спрятали за избушкой, короб поставили на «бойком» месте тока, на ребро, склонив его на подпорку, за которую привязали длинные две бельевые веревки и протянули их через оконце в избушку. На то место, где короб должен был прихлопнуть дичь, подсыпали пшеницы, а сами притаились в избушке, у конца веревки. Ждать пришлось долго.

И вот прискакали с разных сторон сразу два зайчишки, но к коробу не спешили, а рылись в охвостьях. Затем, словно с неба, шлепнулся косач, но тоже в стороне от короба. Мы досадуем, а время тянется. И вдруг: стремительно и шумно, плотной ватажкой, прямо к коробу, на нашу пшеничку плюхнулся табун рябчиков! Я так резко рванул веревку, что локтем сбил Ванюшку. Он было заплакал, но я закричал: «Накрыл, накрыл! Весь табун в коробе!!!».

Но, когда мы побежали к коробу и услышали, как отчаянно

мечутся рябчики, мы опешили. Как теперь взять эту большую и мятежную добычу?... Мы поняли, что нам надо было прихватить из дома половик. С его помощью можно было «нырнуть» под короб и там собрать добычу в мешок прямо живьем! Думали, думали и решили: я подниму быстро угол короба, а Ванюшка стремительно, с мешком, шмыгнет под короб, который я мигом закрою, а он там выловит добычу, и – в мешок ее. Но только я приподнял угол короба, только Ванюшка шмыгнул, в этот момент все до единого рябчика вырвались на волю. А я в растерянности резко бросил короб, да на Ванюшкины ноги. От досады и боли он завопил, разрыдался.

А рябчики, словно в насмешку, слетелись на крышу избышки и любовались на нас, незадачливых хитрецов – охотников.

Домой мы ехали молча. В семье рассказали все, как было, а друзьям на вопросы отвечали уклончиво.

Потом мне часто приходилось наблюдать за поведением рябчиков и я знаю: их мир очень загадочен. Летают они монолитными табунками, очень быстро, а маневрируют так слаженно, что невольно думаешь, что у всего табунка один ум на всех.

За всю многолетнюю жизнь мне так и не удалось изведать рябчика. А теперь уж и не придется. Говорят, что рябчик почти исчез. Да и я постарел... Теперь уж не охотник.

НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ЗОВ

Зима не даром злится,
Пришла ее пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

Ф. Тютчев.

Нередко бывает, когда весна «резинку тянет» – затяжная. Такая весна, пожалуй, досадна не только для хлебороба, давно готового вырваться от зимней дремы в просторное поле, где ждут его спорый труд и привольное дыхание, но и для всей живности в дикой природе.

Нынче такая затяжка произошла. Но теперь все уже позади: мир проснулся. В полях суслики повыскакивали из нор – стол-

биками стоят, греются. Птичья мелюзга залила поля и леса своим ликующим разноголосьем, как бы приветствуя своих пернатых собратьев, прибывающих одиночно, табунами и косяками, из теплых заморских краев.

Казалось бы, почему в тех краях «вечной весны» не остаться птицам на лето? Ведь климат там весьма для них благоприятен. Но непреодолимый, могучий, как сама жизнь, зов предков влечет пернатых скитальцев на свою родину.

Ах, как нелегко обходятся им эти перелеты! Журавли, гуси, утки летят правильным строем; грачи, скворцы, лысухи, чибисы, чайки – беспорядочными стаями; некоторые птицы – поодиночке. Одни летят ночью, другие – днем. И нет сомнения в том, что в этих перелетах большое их число в пути гибнет от непогоды, от выстрелов охотников, от телефонных и электрических проводов, но никто не может остановить пернатых. Вперед, только вперед! К далекой любимой родине несут птиц неослабевающие крылья.

Ведет пахоту хлебороб, а за ним, по пашне, вперемежку тянется птичий шлейф – чаек, грачей, ворон, сорок и множество разноцветных пичужек. Всех их кормит матушка – земля. Ликует весна!

О, ХИТРЫЕ ЧИБИСЫ!

Много написано прекрасных рассказов о лебедях, журавлях, а вот о таких мелких птичках, как чибис, что – то не припомню. В опале у писателей этот, так сказать, малопродуктивный кулик. Но можем ли мы относить лебедей и журавлей к продуктивным, если убийство журавля или лебедя испокон считается равно убийству человека?! Дело подсудное. А вот чибиса застрелить – пара пустяков. Он хотя и хитер, но подпускает близко и за него никакой ответственности. Вот и получается –

чибиса, как считается, очень непродуктивного, настала пора заносить в Красную книгу! А ведь еще недавно, столько его было на наших озерах!

В прошлое лето мы с внуком решили совершить круиз по моим родным местам. До Новопавловки троллейбусом, а от нее – пешком, до родного моему сердцу села, Пеньково. И не по дороге, а вдоль берегов двух озер Кешкебиш, по травке, опьяняющей ароматом весны.

Мне очень хотелось показать внуку те места, где прошла моя юность, рассказать о птицах, которые здесь каждое лето находят свой приют, выводят свое потомство, а когда приходит осень, – снова отправляются в дальнюю дорогу, в теплые края – южные районы Европы, в Малую Азию, на берега Каспия, Нила, в Ирак, Иран и даже в Африку.

Обо всем этом многообразии и традициях птичьего царства я, в меру своих знаний рассказывал внуку, когда мы шли с ним между двух озер.

- Ты, деда, обещал мне показать хитрых чибисов. А где они? – спросил внук.

Но они нам все еще не попадались. На воде, где – то в камышах, стоял гомон чаек, тивкание лысух на тенистых бережках. Разноцветные пушинки – кулики метались и старательно добывали невесть какую пищу, а вот чибисов не было. Однако позже, в конце озер, мы встретили две пары, которые, увидев нас, сразу же пошли на обман: самка еще задолго до нашего подхода покинула настоящее гнездо. И вот эта парочка принялась очень убедительно имитировать свою тревогу за сохранность якобы своего гнезда уже в другом месте. И было весело смотреть, как они это проделывали: самка сидит, а хохлатый самец на своих широких тупых крыльях, словно самолет – истребитель, совершает головокружительные то подъемы, то спуски.

- Деда, там гнездо, я посмотрю! – крикнул внук, а сам побежал к чибисам.

Долго я любовался над знакомой мне с детства хитростью чибисов. Оглашая дол криками: «чи – вы, чи – вы», они все дальше и дальше перемещались, а внук все верил им, пока не убедился в хитроумном обмане.

- Вот, - говорю ему, - и вся хитрость чибисов.

Недалеко был табун дойных коров совхоза «Рошинский». Пастуха с большим стажем я знаю давно – это Петр Кельбух, кавалер Ордена Славы. Спрашиваю его:

- Куда делись чибисы?

- Скоро не только чибисов, но и куличков не будет, - гневно сказал он. - Дачники с того берега, в основном молодежь, стреляют во что попало: в чаек, гагар, в авдошек... Не для мяса, конечно, а для забавы. Истребляют все живое! Боюсь, на моих коров начнут охоту, а у меня, кроме кнута, ничего нет.

Прояснилась еще одна причина прогрессирующей гибели чибиса – это случайно выпавший снежок поздней весной. Когда он выпадает, то на белом фоне, на приличном расстоянии, легко просматриваются в гнездах самки. Как бы они ни прижимались (а прижиматься надо, иначе все погибнет от холода), как бы самец ни старался отвлечь идущего человека – ни – чего не получится. И безжалостные люди, порой без всякой пользы для себя, разоряют гнезда.

В прошлом, если случались такие весенние снегопады, родители запрещали нам даже показываться в такие гнездования. Говорили, что птицы летели к нам в такую даль, чтобы детей иметь, свое потомство сохранить. Как они вернутся одни без детей? И в детских душах эти увещевания находили отклик.

Так рассуждали малограмотные, а то и совсем неграмотные родители. Теперь же мы все образованные люди, очевидно, поэтому, экономно расходуя свое время, мало беседуем с детьми о нашей красавице – природе, не воспитываем чувства милосердия к ее беззащитным обитателям.

Так что, хитри не хитри, чибис, а жить тебе осталось недолго...

Потомство наше будет любоваться тобой – хохлатиком только в Красной книге, если успеют записать тебя в нее.

У ГЛУХАРЯ – ОСОБАЯ ЛЮБОВЬ ...

В прошлую весну я решил переночевать в Пеньково. Замысел был такой: на заре, когда село еще спит, уйти в предозерную рощу, сесть там на пенек, послушать с детства знакомый мне птичий гомон и на озере, и в лесах.

Желаемый пень нашелся сразу. Уселся я на нем лицом к озеру, от которого тянуло влажной прохладой и знакомым запахом мха. По ту сторону озера, за темной полоской лесов, медленно пробивалась зорька, отчего за моей спиной под пологом сплошных лесов еще больше сгустилась таинственная темень, из которой донесся до моих ушей осторожный шелест сухих листьев. Признаюсь, мне стало как – то жутковато. Но я прекрасно чувствовал, что это не какой – нибудь соловей – разбойник и, конечно, не хищный зверь, а, скорее, ежик, заяц или глухарь.

Я встал и пошел к озеру, где легко просматриваются камыши и плеси. Но не успел пройти десяток шагов, как в ближайших камышах панически раскрякалась утка. С этого крика и встревожилось все озеро. В утиный перекряк вплелись голоса; «тив – тив – тив»; как – то щедро, различно зазвенела серебром голоса чаек; раздался строгий голос гусака, а где – то на противоположном берегу – мартына, напомнивший мне дядю Данила Захарова, страстного любителя природы, расстрелянного в числе восьми пеньковцев в 1938 году за «участие в троцкистско – зиновьевском блоке», а затем реабилитированного. Он, бывало, любил вот так, по – мартыньи, раскатисто похохотать, отлично имитировал голоса селезня, выпи, перепелов.

«Что – то все – таки из водоплавающей дичи осталось», – подумал я и переключил свой слух в лесную сторону. Помню, как, бывало, еще до появления зорьки косачи на своих токах шумно, с каким – то особым ликованием вершили свои таинства любви. Из далеких и близких лесов доносились до села эти таинственные шумы токующих косачей: «тю – лю – лю, тю – лю – лю».

Тетеревов в 20 – 30-х годах в пеньковских, софонковских и тарских лесах было множество. В лесу они то и дело сполохами вылетали из под ног, а осенью, куда ни поедешь, – непременно увидишь их табунок гирляндами на березах.

А какая дивная была охота по осени на глухарей с чучелами тетерок! Тетерочку одну две сошьешь, бывало, из мешковины, набьешь опилками, подрисуешь глазки и на шесте поднимешь к вершине берез, а сам в скрадок. Можно и вздремнуть, глухарь своей шумной посадкой, протяжным «скжиги – скжик» все равно разбудит. Зато в это время глухарь ничего не слышит. Вероятно, птица и получила отсюда еще свое название: «глухарь». Когда токует, он ничего не слышит.

И вспомнил я как мой «корешок» Саня Вележанский, тоже расстрелян в 1938 году, пригласил меня на косачинный ток. Из его рассказов я представлял, что это за охота, но охотиться на косачинных токах мне не приходилось.

Поздно вечером мы, избегая встреч с людьми, с берданками наперевес, в стареньких телогрейках, прихваченных на случай утренней прохлады, пошли напрямик через лесные трущобы и пашни на рындинскую пашню в лесную глухомань, откуда каждое утро доносились косачинные напевы: «тю – лю – лю». Темень быстро сгущалась. Саня разгребал на пути чащобу, огИБая безмолвные березы, спешил так, что я еле успевал за ним. Путь казался мне долгим и я спросил:

– Саня, мы не заблудились?

Саня, блеснув белыми зубами, хихикнул:

– Да ты что? Я тут каждый пенек, каждый муравейник знаю. Еще немного, и мы у цели. Давай покурим. На току курить ни – ни, иначе токование не состоится.

Присели мы на опушке леса, смачно, по – мужски, закурили «дубинушку», и он в порядке инструкции сказал:

– Косачи, хотя и глухари, а когда надо – все слышат и все видят. Так что на току води себя тихо, как рыба. Этот точок я знаю, как свои пять пальцев. Я его на пузе облазил и добычу имел не одну. Там у меня два скрадка. Один твой. Заляжешь и сопи в две дырочки до зорьки. А когда у них начнется любовь, когда глухари забегают да запрыгают, вот тут ты и не плошай. Стреляй, но без моей команды не вставай. И еще стреляй только в самцов, а тетерок ни – ни! Каждая тетерка за лето вырастит целый табунок, а самцов хоть пруд пруди. А если охотники будут срелять в самок, то у нас вся птица переведется. Так что греха на душу не бери.

В моем представлении косачинный ток – это голая площадка, а скрадок – балаганчик, но все оказалось не так. ток – обыкновенная опушка леса, заросшая мелким разнотравьем, а скрадок – это подстилка, вокруг утыканная березовыми ветками.

- Вот и скрадок, ложись на подстилку и жди, - шепотом сказал Саня и добавил:

- Мой скрадок вон там, так ты в ту сторону не стреляй, а то меня подвалишь.

Помню, как от томительного ожидания и глухой тишины меня то и дело клонило ко сну. Я засыпал, но тут же озабоченно просыпался, растирал себе виски, делал глубокие вздохи, ворочался до тех пор, пока не услышал из соседнего леса какое – то отрывистое, как мне показалось, непонятное слово старого ворчуна. После мне объяснил Саня – это была команда старого глухаря: пора, дескать, приступать к любовному спектаклю. Он сказал и расхохотался.

...И в воздухе, словно сполохи, обдавая меня ветерком, подвалили на уже слегка освещенную зарею землю взъерошенные храбрые самцы.

Вытянув свои шеи, распушив в стороны крылья, а хвосты веером и усиленно цокая, впережку с легкими прыжками, ликующие, они забегали по полю. Очарованный этим сказочным зрелищем, я забыл зачем пришел. И странно, Саня по глухарям уже палит, и небезрезультатно, а они все бесятся, не улетают. «Вот когда они действительно глухие!» – подумал я. И только, затаив дыхание, взялся за ружье, как увидел тетерку. Подошла она к моему скрадку совершенно спокойно и так мило, как – то по – домашнему смотрит на меня. А я на нее, она – на меня. Любуемся. Она как бы спрашивает: «Кто ты такой и чего тебе здесь надо?».

Саня не стерпел тогда мое молчание и рывкнул:

- Стреляй же!

От этого выкрика глухари начали взлетать, а тетерки разбегаться. Одного глухаря мне все же удалось сбить на взлете, а Саня, как он выразился, «пяток снял»:

- Я мог бы больше, если бы ты не довел меня до белой горячки.

Его упрек я принял тогда как должное.

Правда милости не ищет. С тех пор прошло шесть десятков лет, а как будто это было недавно. Помню, как на следующее утро до села доносились те же глухаринные напевы со всех токов, в том числе и с точка, что за рындинской пашней.

Оказывается, тетерве даже оружейная пальба, да и гибель их в сезон любовных встреч не имеют значения. Жизнь их продолжается. Все это в прошлом. А где же теперь в наши дни глухаринные свадьбы? На этот вопрос мой приятель, бывший учитель Пеньковской школы Николай Калистратович, с горечью ответил:

- Все погубили мы сами. Неграмотно обращаемся с ядохимикатами. В лесах редко уже встретим дятла, иволгу. Травим шелкопряда, и птиц этим мы уничтожаем.

Очень убавилось прежней тетеревы.

КРЫЛАТЫЙ ВЕСТНИК ВЕСНЫ.

Есть в русской природе нежность,
Безмолвная боль затаенной печали
Безвыходность горя, безгласность,
безбрежность,

Холодная высь, уходящие дали.

К. Бальмонт

В лесах еще лежит ноздреватый, отяжелевший снег, а на припеках, на открытых весеннему солнцу полянах, мартовское тепло оголило землю с прошлогодним пожухлым бурьяном. Грачи уже прилетели. Весна в разгаре.

Вспоминается, как еще до Великой Отечественной войны в так называемом Заха-

ровском березовом колке, что стоял на околице села Пеньково, многие годы гнездились грачи. Они до одури горланили в тысячи слитых воедино голосов, напоминая хлебоборам о наступлении весны. И все лето не замолкал этот базар, который всем нам уже надоедал. И было принято решение – выселить их из этой рощи. Помню, как сельские парни и мы, подростки, по подсказке мужиков устраивали по воскресеньям нападения на их гнезда, разоряли их. Каждое наше нашествие вызывало страшный галдеж обиженных грачей, но выселить их так нам и не удалось.

В годы войны оставшиеся в селе старики, дети да женщины выпилили на топку сподручную рощу, израсходовали ее на обогрев своих хатенок. Грачам ничего не оставалось, как найти себе другой колок. Нашли и облюбовали с рассудком: на пять километров ближе к городу, неподалеку от села Белого, где раскинулись хлебные поля. Наш город им понравился, особенно – мусорные контейнеры.

Прошли долгие годы. Бывая в этих краях, с любовью и чувством вины смотрю на крылатых непоседливых тружеников и думаю: а ведь это пра – пра – внуки птиц моего детства, мои земляки, как и я, любящие до самозабвения свою родину, свой неповторимый по красоте край. Все дни напролет они деловито возятся в березовых кронах вокруг своих несколько обветшавших за зиму гнезд. Таскают в клювах прутики, мягкую пожухлую траву, благоустраивая свое жилье.

Грач птица с виду не очень – то привлекательная да еще и шумная, но случилась какая беда, исчезни эта скромная птаха, замолкни ее неустанные крики над нашими березовыми рощами, и тогда на нас непременно навалится тоска – кручинушка. Грач – первый вестник весны – нашей самой лучшей всеобщей радости.

ЗМЕИНАЯ ГОРА.

Там где недавно обосновался Новопавловский, так называемый городок Солнечный, состоящий из барских коттеджей, еще в тридцатых годах, пока эта вечная целина, изпещренная естественными рытвинами, которых новопавловцы называли трещинами, использовалась для обитания змей.

Протяженность этой горы тянется до свертка от села Ней-

слебень (Березовки), в сторону Ольшанки.

Растительность горы – сплошной серебристый ковыль, по которому привольно и бесшумно гуляли ветры, а над ними, особенно в солнечные дни, резво, взвиваясь в небо жаворонки оглашали загадочное и опасное змеиное обиталище.

- Сколько корму скоту напрасно, ежегодно гибнет. Ранний ковыль, да на сено бы – куда питательнее ржанца, но попробуй размахнуться косой – то. Ожалят, ну и каюк тебе! – сокрушались мужики.

Но есть ли на свете село в котором небыло бы чудаков, или парней – отчаянных головушек? В Новопавловке их хватало. Да и психология казаков сызмальства прививать: бесстрашие, самонадеянность и чудачество.

Так вот находились из среды парней любители: привлечь к себе внимание накашивали для разовой потребности коню ковыльной травы со змеиной горы.

Мне было лет десять, как я впервые увидел полуметровую змею. А получилось это так. Вдоль нашего двора лежали березовые бревна что привлекло молодежь – каждый погожий летний вечер здесь устраивать вечеринки, - под однорядку Алешки Злобина парни с девками танцевали, пели протяжные бытовые песни, устраивали перепляс.

И вот в такой момент один из завидных парней (не помню чей он) внезапно появился и сразу пустился в дерзкий пляс, размахивая плеткой, но кто – то отчаянно крикнул: « у него же змея»!

Девоч, вместе с визгом, как ветром снесло. А парни и мы, детвора, долго рассматривали, руками прикасались к грозному, но уже безжизненному существу.

Вскоре мы с двоюродным братом Пашкой встретили полуметровую змею которая переползала через малышенскую дорогу. В пятидесятые годы «Змеиное царство» оказалось прихваченным целинной эпопеей и с тех пор Т.О. О. «Рощенское» ежегодно получает завидные урожаи пшеницы и жалеют что немалый клин земли у хозяйства был отведен под «Солнечный» район Новопавловки.

Чтоб их всех змеи покусали! – с усмешкой говорят

рощенцы.

В самом же деле, вот уже сорок лет никто не видел змей на этой горе.

Осталось только название да и то уходит в забвенье.

КОРОТКАЯ РАДОСТЬ.

Лет пятнадцать прошло с того времени, когда кто — то (добрый человек) обогатил наш парк культуры и отдыха парой белочек. Прошло несколько лет и слава о пушистых новоселах разнеслась по всему городу. В свободное время горожане, прихватив с собой детишек, специально приходили, чтобы полюбоваться зверьками и покормить их из детских ручонек семечками, конфетками. Сколько у детей, да и взрослых было радости!

А белки, словно понимая, что ими любуются, совершали ловкие прыжки на сучьях, молниеносно мчались к вершине дерева, потом обратно, к протянутым детским ручонкам, чтобы схватил чего-то вкусненькое, а потом, забравшись по выше, скушать или запрятать впрок на зиму от всяких ворон, сорок и грызунов.

Тогда, год от года, белок в парке становилось все больше и больше. Они появлялись и на деревьях улиц города. Все это радовало, сближало людей с природой, пока не появились браконьеры. Мне рассказывали о каком — то заросшем щетиной мужике, который развернул «тихую охоту» на белок в городском парке. Он соблазнял их семечками из ладони. Но как только белка прикасалась к «гостинцу», «охотник» тут же хватал ее и прятал в сумку.

Нашлись и хулиганы из среды подростков, которые ради пустопорожней забавы приложили свои руки к уничтожению дара природы.

Часто задумываюсь, из каких глубин сознания, «произрастает» у отдельных представителей рода человеческого эта патологическая ненависть к природе, ее животному миру, к прекрасному? От недостатка воспитания? От жестокой нужды? Или от официально узаконенной канонады в дни охотничьих сезонов, когда безжалостно уничтожаются тыщи «братьев наших меньших»?

Нет, если мы решительно не изменим свое отношение к природе, к ее животному миру в лучшую сторону, то он у нас совсем оскудеет и отвернется от нас.

КОГДА ПРИЛЕТЯТ К НАМ ЛАСТОЧКИ?

Люблю, забывши все кругом,
Следить за Ласточкой Стрельчатой
Над вечереющим прудом.

А. Фет

Вопрос этот возник у меня неспроста. Если в прошлом, особенно в двадцатых и тридцатых годах, каждую весну были массовые нашествия ласточек, то вот уже много лет их почти не видно.

Как раз в то благоприятное время весны, когда листья деревьев активно прорывали почки и высывали свои зеленые головки, когда небесная голубизна насыщалась го-моном птиц, прилетали к нам и ласточки. Когда они — быстрые, прекрасные летуны как — то — молча, неожиданно и массово появлялись в нашем селе, у людей еще радостнее становилось на душе.

Прежде всего касатки, как ласково называются в народе ласточки, устраивали свои гнезда. Новички подыскивали себе постоянное место для гнездования, а найдя его, непременно спешили закрепиться навсегда.

Было весело смотреть на этих непоседливых птиц: они то высоко поднимались в небо, то вдруг стремительно опускались и пролетали так низко, что отчетливо были видны их остро отточенные длинные крылья, распластанные в воздухе, блестящее со спины оперение сине — стального цвета с фиолетовым оттенком и раздвоенные хвостики.

Жители нашего села любили ласточек еще за то, что с их

появлением во дворе исчезали насекомые. Дело в том, что ласточки не ищут себе пищу на земле, а добывают ее на лету за счет крутой маневренности, быстроты в полете. От ласточки не так – то просто спастись любой насекомке, особенно комару или мошке, бабочке или стрекозе. По поведению ласточек можно предсказать погоду: низко летают – быть дождю.

Облюбовав место для жилья (обычно под крышей сарая), они с неистощимой энергией сооружают свое гнездо из мокрой земли или глины смоченной слюной и укрепленной соломинками прилепив его к матке или жерде сарая на удивление крепко.

Вскоре самка, как бы исчезает в своем гнезде, уютившись на две недели для насиживания кладки, а самец, радуя ее и нас своими протяжными напевами – «Тиль – вили – тили – вили – тррр» - готовится к большой, трудоемкой работе – выкармливанию потомства.

У многих народов гнезда ласточек охраняются, и существует поверье, что там, где поселилась ласточка, в дом приходит счастье.

Резкое уменьшение этой прелестной птицы сегодня не может не тревожить человечество.

ЛАСКА – ТАИНСТВЕННЫЙ ЗВЕРЬ.

В Новопавловке о ласке ходили всякие байки: и что эта животинка – не иначе как плод ведьмы, и что в дружбе она с домовым. И, вообще, невиданное воплощение нечистой силы. Другие же утверждали, что, наоборот, ласка во дворе – это благо для хозяйства.

Этого загадочного зверька и поныне мало кто видел и знает. Это самый мелкий зверек из всех хищных и самый осторожный. Если ласка обосновалась в вашем дворе, то узнать об этом можно только по двум приметам: исчезновению грызунов (особенно мышей), или по появления в лошадиной гриве и в челке наплетенных кос...

До сих пор остается загадкой: как это лошадь входит в дружбу с лаской и позволяет ей свою гриву и челку превращать в косы? При этом косы – то такие, которые потом не расплетешь. Они скатаны, кошомные.

Были случаи когда хозяин брал ножницы и под корень выстригал гриву и челку. Люди говорили:

- Видно не даром зверюшку называют лаской, а кто не любит ласку? Вот за ласку и любят ее кони. Человек – то чем ласкает? Кнутом. А ласка – только лаской.

- Ну, скажешь! А вот говорят: не столько она ласкает, сколько щекочет коня, до пены щекочет. Некоторые утверждают, что весь смак для лошади – это приятный запах зверька...

Для грызунов же ласка – гроза. Она находит и достает даже в их собственных норах.

В энциклопедическом словаре о ней сказано, что: «ласка млекопитающее семейства куньих. Длина до 26 см. Истребляет вредных грызунов». Вот и все. О повадках – ни слова. А ведь удивительно, что хозяин двора, в котором она обитает, прожив все свою жизнь, ни разу ее не увидел.

По существу, ласка выходит из своей хитроумной, тщательно замаскированной норы только ночью, с большой осторожностью.

По характеру она вертлява, отважна, с удивительно гибким телом, способна раздобыть зайца, тетерева и даже касачей. Но не было случая, чтобы она у хозяина своего двора испробовала птицу, что является тоже загадкой.

КУДА ИСЧЕЗАЮТ ГОЛУБИ?

Никакая птица так не прибавается к человеку, как голубь. Птицы эти – вольные. Они так же свободно летают, как, скажем, рябчики, вороны, грачи, но образ их жизни полудомашний.

Не могу судить, как было бы в других селах, но в нашей Новопавловке, с детства помню, было самое теплое отношение людей к диким голубям. Под крышами сараев, бывало, висело по несколько старых корзин, начиненных мягким сеном, в которых голуби зимовали, а летом плодились, ворковали, летали над селом. Хозяева кормили их зерновыми и пищевыми отходами вместе с домашней птицей, брали в руки, гладили...

Нам, детям, родители постоянно внушали тогда, что голуби – птицы Божьи, что их надо любить, что обижать их грешно.

Все это способствовало расплоду голубей. Помню, как много их было и в городе, и как их численность резко уменьшилась в голодные 1921 и 1931 годы.

А что же происходит сейчас? Ведь еще года 3 – 4 назад в городе было их много настолько, что, к примеру, на крышах соседней со мной мельницы они сидели большими скоплениями, один к одному. В поисках пищи в одиночку или стаями целыми днями паслись они возле дворовых мусорниц.

Недавно встретился мне дружок и спрашивает: «Скажи мне, почему в городе почти полностью исчезли голуби? Что, их поубивали или от загрязнения атмосферы они обрели другое место обитания?».

- Я сам озадачен. Скорее всего – первое, - неуверенно ответил он.

КОГДА ОКУНЬ БРОДИТ.

Думал я в эту зиму на последний лов пестреньского окунька не ходить – годы не те, чтобы сидеть «на семи ветрах», куковать у лунки и ждать поклевки. Но позвонил мне старый дружок по рыбалке Яков Семеныч и как только я ни отнекивался, уговорил. Хотя в душе – то я ликовал, словно молодость ко мне вернулась. А тут еще вспомнил то, что в августе специально ездил на озеро

Пестрое и там у спасателей на водах попросил лодку, изрядно поплавал и на всякий случай определил то место, где песчаное дно и нет травы, которая очень мешает рыбаку подледного лова.

Вот в облюбованном – то месте мы с Семенычем и заработали своими бурами. Лед в то время был еще тонкий и без снега, а это обещало успех. Через час около лунок лежало по десятку окуней. Но Семенычу показалось мало:

- Пойду дальше, - сказал он.

- Напрасно. – Окунь сейчас бродит. Надо сидеть и ждать, когда подойдет стайка.

Но он махнул рукой, вскинул ящик на плечо и зашагал по западный угол озера, где трудятся добытчики мотыля.

Посмотрел я на свою тощеватую добычу и решил было сменить место, но увидел в десяти шагах чью – то припорошенную снегом лунку. Стой, думаю. И решил остаться.

Когда Семеныч вернулся, я снимал с мормышки тридцатого окуня.

- Вот колдун! – воскликнул он. – А я пробурил восемь лунок, но улов свой увеличил только на пять окуньков, да и те курам на смех. Мелочь. Время только потерял. Выходит ты был прав – окунь табунками бродит. Но как ты об этом догадался?

- А чего тут догадываться, если у окуней такое правило. Вот, полюбуйся. Я уложил окуней в ряд и сказал: - Погляди внимательней.

Он сначала не понял, в чем дело, а потом рассмеялся:

- Да они же разномастные!

Действительно, среди окуней восемь штук были желтыми. Они водятся там, где дно песчаное. Штук десять – почти черные. Это обитатели районов с илистым дном. А остальные – зеленоватые, с очень ярко выраженными полосами, - это любители подводных зарослей.

Трудно сказать, почему стаи окуней в этот день не стояли на своих излюбленных местах, а бродили. Подойдет стайка - успеешь поймать три – четыре штуки, а табунок – то уже уходит, у него, очевидно, какая – то цель, своя дисциплина, поэтому даже подкормка не соблазняет, не задерживает их.

Так что искать в такое время стоянки окуня – бесполезное дело, Пусть лучше окунь ищет рыбака.

ОСТОРОЖНО – ВЕТРЕИННИЦА!

Природа милое творение,

Цветок, долины украшение ...

В. Кольцов.

Этот самый ранний, самый привлекательный цветок в про-

стонародье мы называем подснежником. Привлекателен он не столько своей красотой, сколько тем, что появляется на свет как самый ранний предвестник долгожданной красавицы весны. Кругом еще сугробы, снега, а по соседству с ними, на небольшой проталинке, словно отражение солнца красуются подснежники.

И редко кто пройдет мимо и не сорвет цветок, а то и целый букет, а то и охапку..

Вот об этом – то хочется сказать – не губите!

Не в том грех, что вы сорвали подснежник, а в том – как сорвали.

Цветок этот очень податлив, плохо закреплен корнями в земле. Захочешь сорвать цветок, потянешь посильнее за стебли – вытаскиваешь вместе с ним все корневище. Если так случилось, растение, конечно, погибло.

И вообще, надо ли помногу срывать цветов? Не пора ли нам принять опыт японцев перейти с охапок на экибану. 3 – 5 цветочков – и этого достаточно для украшения своей квартиры. Да и мусора в доме будет меньше.

Ведь если сравнить прошлое с настоящим, то скажу прямо – земля наша, ее просторы за 60 – 70 лет в нашем Приишимье очень обесцветились и оскудели. А все потому, что беспощадно рвем цветы, не даем им созреть вовремя и сбросить свои семена для будущего урожая.

Пора бы нам осознать это и остановиться.

ВОДОЙ НЕ РАЗОЛЬЕШЬ ...

Как – то в погожий теплый вечер сидели мы у костра по соседству с загоном, разговаривали о том о сем. Телки и овечки, уставшие за день в поисках пожухлых от постоянных солнцепеков былинки, спокойно посапывали и глухо вздыхали. Вася завел разговор о баране – хулигане, которому дед Тимошарушка

еще весной присвоил имя Чёмор. « Это, – сказал он, – имя одного японского командира, от которого в маньчжурскую компанию нам, казакам, покою не было».

– Не любит Чёмор баяновского барана больше всех, – сказал Вася. – Стучатся своими лбами

да рогами, аж искры летят. Живут, как кошка с собакой.

Мы посмеялись, а дедушка Тимошарушка, не торопясь, начал свой рассказ:

– Рога – это ведь у них оружие, а ежели оружие, то его надо испытывать в бою ... Закалку давать надо. Так уж природа заказала всей живности. Каждое животное должно уметь защищать себя, иначе – гибель ему. А что касается «живут, как кошка с собакой», так вопрос этот, Васенька, он такой спорный. Вот когда ты вырастешь да женишься, так вот, возьми да испытай счастье: заведи маленького щенка и маленького котенка, и ты убедишься, какая у них будет нежная дружба до старости. Да и взрослые кошки с собаками свыкаются так, что водой не разольешь. По этому поводу расскажу вам, ребята, свою историю.

Когда мы с женой Дашей, царство ей небесное, жили в Новопавловке, то у нас был небольшой, но коренастый, злющий кобелек по кличке Шарик и такой важный кот – Тимоха.

Да, жили они действительно как кошка с собакой. Бывало, выйдет Тимоха во двор, а Шарик выскочит из своей конуры и ну приступом облаивать его: чего, мол, ты тут во дворе – то шарись, я тут хозяин! А Тимоха – ноль внимания: собака лает – ветер носит. Но если Шарiku доводилось возникнуть близко и он набрасывался на Тимоху, то тот растопыривал свои цепкие когти, и Шарiku ничего не оставалось, как сникнуть, обидеться и юркнуть в свою конуру.

Тимоха имел привычку ночь проводить на улице. Как только мы укладываемся спать, он уж у порога мяукает, просится на улицу и куда – то исчезает на всю ночь. Ну летом как – то еще сходно, а то ведь зимой, в трескучий мороз – вот ведь диво!

Утром, бывало, открываю сеночные двери, а Тимоха на крыльце: «Мяу – мяу». А Шарик облаивает его с приступом: чего, мол, ты, такой – сякой, семейный порядок нарушаешь, повсеночно где – то шатаешься?

Все это было загадкой. Ведь не лает же он, когда Тимоха в ночь выходит на улицу. Да и как кошка, которая любит печку, вдруг всю ночь проводит на трескучем морозе? Нет, тут какая – то тайна.

И вот однажды вся собачья – кошачья тайна – то и раскрылась. Была тихая – тихая зимняя ночь. Снежок во дворе улегся, ну как белая простынь. Выхожу. Тимоха на крыльце, а Шарик, как всегда, гав – гав! А я смотрю: что за чудо! Тимохин след тянется к крыльцу прямехонько из собачьей конуры!... Я так и ахнул от удивления. Ах, обманщики, ах плуты, мухлюете?! Конуру – то внутри я стеганными обносками оббил вот и выходит, они в обнимочку ночуют. Им тепло, а главное – дорога животным эта свобода, самостоятельность и приволье на природе. Так что сами хозяева.

- Но как же так? – спросил Вася, - Шарик так ненавидел Тимоху, облаивал его, а жили вместе?

- Это и была их тайна, которую Шарик как бы прикрывал от людей, которые могут запретить им так нежно дружить. Животное без хитрости не сможет жить, погибнет. Всякая козавка с хитрецей.

- А что дальше – то? – спросил я.

- А дальше – целая история. Печальная у них история. И в этом я виноват. Всю жизнь клянусь себя. Овдовел я, скоропостижно захворала и скончалась моя Дарья, царство ей небесное. А вскоре женился я на городской, которая в станицу не пожелала. Избу свою со всем скрабом, скотинешку, птицу – все пораспродал я. Избу – то Василий Иванайков, царство ему небесное, купил. А у него свой скот и своя собака – в три раза крупнее моего Шарика. Куда их? Шарика я подарил Кондратию Ченсову, царство ему небесное, а Тимоху – в мешок и к себе в город. Новой жене он шибко понравился. Но когда та отпустила его из мешка, то он чуть окна не выбил. Заметался и по низам, и по верхам. Мы успокаиваем его, а он ни в какую, как белены объелся! Потом забился где – то под

койкой и затих. Время было летнее, двери часто открыты. Тимоха наш подкараулил момент и исчез, и навсегда ... Но погодите... Дайте досказать.

Дней через пять заехал ко мне с базара Василий Иванайков и говорит:

- Выручай, Тимошар, твой сорванец Шарик вместе с цепью сорвался и от Кондрата озверелый прибежал, да так сцепился с моим Трезором – не приведи Господи! Рвали друг друга в ключья, конуру перевернули, ой, что было! Но до моего Трезора куда твоему Шарiku. Мой – то волк, но Шарик твой до последних сил готов был драться. Схватился я за кончик его цепи и волоком затащил в хлев и запер там. Еду второй день не принимает, рычит, а ночью волком воет, аж мурашки по спине. Жена ворчит, велит выгнать его, а мне жалко. Такой кобелек славенький, бедняга. А потом он же снова вернется и будет насмерть драться за свою конуру, за свой двор.

Сел я в короб и поехал с ним в Новопавловку. И что вы, ребяташки, думаете? Не признал меня Шарик. Своими покрасневшими глазами, оскаленными зубами, взъерошенный, готов он был меня разорвать. Я его: «Шарик, Шарик... Дорогой, миленький...», а он – ну чужой, да и только! Но все же защищаясь палкой, ухватился я за цепь, уволок его к Корнею (сам – то он на пашне жил), крепко – накрепко привязал и жене его Агафье, наказал: кормите лучшим питанием, обживется тогда.

А через неделю Василий – то снова заехал ко мне и спрашивает: «Кот – то, Тимоха, вернулся к вам?»

Я удивился и спрашиваю:

- Откуда ты знаешь, что он от нас сбежал?

А он отвечает:

- Да он к нам еле живой пришел. В избу зашел, озирается, чувствует, что прежних хозяев нет. Ну мы всякой еды ему, а он, как истукан. Не притронулся. Худющий! Ведь дней пятнадцать, небось, искал, бедняга, свое обжитое место. Как его в степи – то не задрали волки и собаки.

- Чего же ты его не привез? – спрашиваю.

- Исчез он в тот же день, как тень исчез. Видать, погибнет так же, как Шарик. От тоски.

Услышал я про Шарика и обомлел:

- При чем, - спрашиваю, - Шарик?
- Да на днях Кондратий сказал мне: уж больно тосковал твой Шарик, к еде не притрагивался, обессилил, а потом и скончался. Похоронил он его у себя в огороде.
- Вот так, ребяташки, - вздохнув, закончил свою историю Тимошарушка, кончилась дружба кошки с собакой. А виноват во всем я, - печально закончил он.

ПТИЦЫ ЛЮБЯТ СЧЕТ.

Как – то дед Тимошарушка спросил нас с Васей:

- А знаете ли вы, ребяташки, про то, что птицы считать умеют?

Мы с Васей засмеялись.

- А вы не скальте зубы – то. Лучше внемлите, что я расскажу вам. Жили мы на Мазаевской заимке втроем: Я, Карька и наш верный защитник Трезорка. Но у них – то вся еда – подножная: у Карьки - трава, у Трезорки – зайчишки, которых в мазаевских лесах под каждым кустом сыскать можно. А вот у меня, кроме черствого хлеба да картошки – ничего. Вот и приходилось промышлять. Собирал ягоды, грузди, мед от диких пчел. Нечасто, но иногда Трезорка, как бы вспомнит обо мне – зайчишку полусъеденного принесет, к ногам моим положит – ешь, дескать угошаю, пополам делюсь...

По соседству было маленькое и неглубокое озерцо с небольшим пляжиком, но рыбы в нем не водилось. Видно, зимой оно промерзало. А вот мелкой птицы в камышах копошилось много. Особенно лысух. Дай, думаю, пошарю. Небось, что –нибудь съедобное обнаружится. Ну и побрел я по камышам. Испугались лысухи, зашлепали крыльями, зативкали и гнезда свои побросали. А гнезд – то множество, и в каждом по 5-6 яиц. В общем – курятник на природе.

Облюбовал я пять гнезд, оставил в них по два яйца (подкладыши), остальные забрал себе... Такие же вкусные, как куриные, только помельче, и рябенькие. Через пять дней из этих гнезд я снова по пять яиц «снял» себе в кошелку, а через пять – еще по пять, итого – двадцать пять. Подкладыши оставляю, а лысухи несутся и несутся. А потом я решил заглянуть в те гнезда, которые не разорял. Заглянул, а в них во всех ровно по 12

яиц, и из них уже проклеваются цыплятки.

- Вот тогда – то и защемило мое сердце... Вернул я птичкам взятые в последний раз яйца и ушел с озера с пустой кошелкой. Прошло дней двадцать. Дай, думаю, полюбопытствую, что же там происходит? При моем приближении все лысухи в испуге спустились на воду, в камышах попрятались. А в гнездах у них у всех ровно по 12 горяченьких яиц. Заглянул я и в те гнезда, которые не трогал. Они были пусты – по 12 скорлупок там, а цыплятки стало быть с мамочкой где – то уже плавают и сами пищу себе добывают. Вот и выходит, что птицы в школу не ходят, а считать умеют. Убедил меня в этом еще один случай.

Мне было восемнадцать. Ехали мы с пашни домой всей семьей на телеге и увидели, что впереди дикая утка с пушистыми утятами пересекает нам дорогу. Отец остановил лошадь, а нам шепнул, чтобы сидели тихо. Утка остановилась посреди дороги, что – то прокрякала утятам, а те как шли гуськом, так и скрылись в траве. Утка же круто повернулась и побежала обратно, что нас, конечно, удивило. Отец и говорит:

- Стало быть не досчиталась своих деток.

Только он это сказал, как утка выскочила на дорогу еще с одним отставшим утенком, поспешно пересекла ее и скрылась.

Этот случай навсегда утвердил во мне веру в то, что птицы умеют считать, хотя за школьной партой не сидели.

ВАСЬКИН ОМУТ.

Среди нас, второклассников Новопавловской школы, Васька Колоколов был «пуп земли» – так в шутку называли его и взрослые, и мы, его одноклассники. И только за то, что он «ну как есть все знает и все умеет».

И во всяком деле, куда с ним ни пойдешь: за ягодами, за грибами или солодку копать – у него всегда удача, а у нас все кругом – курам на смех.

- Ты колдун, Васька, - как – то не в себе сказал ему Мишка Журавлев. – И еще ты хитрюга и скряга.
- Чего?! – возмутился Васька. – в чем это я хитрюга и скряга?
- А во всем! Так – ты с нами, а как рыбу удить, так – один,

украдкой. Вон каких окуней фунтовых домой - то приносишь, а мы чебаков да пескарей ловим...

- А тебе - то кто не велит? Найди свой омут, да прикорми и таскай хоть пудовых.

После этого пререкания мы в отсутствие Васьки договорились разыскать место, где он так удачно удит. Нелегко и не скоро, но нам все же удалось «пронюхать» это место. Тогда оно называлось Чеглово - от Новопавловки, в сторону села Ольшанки, версты полторы будет.

Идти туда, а вернее, украдкой преследовать Ваську пришлось по бездорожью, по межам капустников да случайным тропкам, а ближе к Ишиму - по страшиноватым, наполненным влагой овражкам, буйно заросшим густым ежевичником да колючим шиповником.

Затаив дыхание, высунулись мы втроем из таловых зарослей к тихому, но стремительному Ишиму, окутанному последними «волокушами» ночного тумана.

Кстати сказать, сейчас трудно поверить, каким глубоким, широким и стремительным в те годы был Ишим. Тогда, в купальные сезоны (июнь - июль), нередко даже взрослые по неосторожности, попав в воронки, тонули. Теперь же в эти месяцы новопавловцы переходят на другую сторону, не обмочив коленок.

Итак, мы увидели Васькин затылок под развесистым деревом. Он сидел у небольшого заливчика. Значит, это и есть его тихий омут, которым он хвастался и держал в тайне.

В тот же день мы проворно стали готовиться к добыче крупных окуней. Лески из простых швейных ниток заменили на волосяные из лошадиных хвостов, закалили крючки, нарыли в достатке красных червяков, и на другой же день, зная, что Васька на омут не пойдет, прихватили корзинки под добычу и, чуть брызнул рассвет, помчались на Васькин омут.

И что же? С размахом позабрасывали свои удочки и с нетерпением стали ждать поклевки. Но ее нет и нет! А когда стали вытаскивать их, то оказалось, что все крючки зацепились за коряги. И как мы ни пытались вызволить их, ничего не вышло. Пришлось рвать лески. А запасных лесок и крючков у нас не

было.

Потом мы обо всем решили в открытую рассказать Ваське о случившемся и поставили вопрос: или возьмет нас с собой на свой омут, который мы уже знаем, и научи, как ловить крупных окуней, или нашей дружбе конец.

- Ладно, черт с вами - завтра пойдем.

По дороге он рассказал нам, как надо вытаскивать окуня из под коряг, где он таится и набрасывается на мелких рыбешек и разных подводных насекомых.

До сих пор вспоминается, что это была, как никогда, радостная рыбалка. Она была на всю жизнь хорошим уроком окуневой рыбалки.

В итоге хочу дать краткий совет тем, кто любит окуневую уху, но пока не умеет по - настоящему удить.

Первое: ищите глухой, желательно затемненный омут с корягами, где водится именно крупный окунь.

Второе: крючок на прочной леске с наживкой не забрасывайте, как обычно, а опускайте в воду отвесно, в одну и ту же точку.

Третье: как только поплавок «пошел» вглубь, тут уж не зевай, Фомка, иначе окунь заведет леску за корягу, запутает.

В летний сезон рыбалки наилучшая насадка для окуня - это червяк - выползень из рыхлой замли.

Удачи вам, мой читатель!

ПОДАРИТЕ НАМ ПЕСНЮ, СКВОРЦЫ.

Весна! Она частенько бывает запоздалая, но уже задолго до ее прихода во всем чувствуешь ее дыхание. Вот - вот из далеких тропиков появятся милые нашему сердцу скворцы. Ждать - то мы их ждем, поглядывая в небеса и на верхушки деревьев, а вот как готовимся к их встрече? Однозначно плохо. Вглядитесь в облик любого села. Скворечников - то не стало. А ведь, бывало, в каждом дворе они возвышались над крышей.

Исстари повелось, что в это время хозяин тщательно проверяет птичьи хоромы, заделывает щели - иначе скворец не приживется, или просто меняет на новые. Обязательное условие - свежие березовые ветки: садись, скворушка, радуй нас своими

чающими напевами.

Прилет скворцов всегда бывает дружным, почти внезапным. И сразу же начинается «приватизация» квартир. И не дай Бог, если какой – то парочке скворечника не достанется. Гнезда они сами, как и кукушки, не мастерят, поэтому неудачникам приходится лететь в лес, находить дупло, а это совсем не то, что скворечник. Отлучись самка, а тут тебе самая ненавистная всем птицам нашего края – ворона! Да, если б ее не было, в наших краях пернатых было бы гораздо больше. Даже коршуны, хитрые чибисы, куропатки боятся появления в своих владениях этой пакостной разбойницы, которая безжалостно опустошает их гнезда – выпивает яйца, пожирает цыплят. Есть даже такая пословица: «В своем гнезде ворона и коршуну глаза выклюет». Куда уж там скворушке...

Вот потому – то и прибываются скворцы к человеку, к его жилью. И так щедро дарят своему покровителю свои чудесные и на редкость разнообразные напевы.

В их песнях мы слышим набор голосов заморских птиц. Скворец, как попугай, умеет имитировать иволгу, авдотку, чибиса, жаворонка, перепелку и многих других нам неизвестных заморских птиц.

Наш город в прошлом тоже неплохо готовился к прилету скворцов. Почти в каждом подворье окраин был скворечник. Они красовались на деревьях в городском парке. Раньше благородную заботу о размещении и приведении в порядок птичьего жилья – брали на себя школы. Сейчас же об этом забыли. А жаль. Нельзя терять добрые традиции, которые складывались веками. Давайте же сделаем возле каждого дома скворечник.

И БУДЕТ РАДОСТЬЮ УВИДЕТЬ ВОРОБЬЯ.

Когда я смотрю на воробышков, то непременно вспоминаю нашего деда Тимошарушку. Он, бывало, частенько ворчал:

- А придет такое времечко, когда будет превеликой радостью увидеть воробья...

- Ну, дедушка, ты всегда что-нибудь придумашь. Куда твои воробы денутся? возразил ему как-то мой двоюродный брат Панка Колоколов. Но Тимошарушка стоял на своем:

- Вы вот поживете с мое-то, да ежели присмотритесь, куда матушка-природа по воле Божьей, да за грехи наши плывет, поймете, что плывет она в убыток. Природа, как и человек, часто недомогает, а временами и болеет, и видно, как истощается. Вон, бывало, в эти же леса зайдешь, а там сколько шороху от дикой живности было! Косачи то и дело из-под ног, как нечестивые, со страшным шумом вылетали.

- Они и теперь так же вылетают, — сказал Панка.

- Вылетают. А сколько? То-то и оно. А сколько птичьих напевов разных было, а теперь — не то. Скучнее стало. Вот суть-то в чем. На убыль все идет, ребяташки. А тут еще охотнички год от года прибавляются, палят из своих дробовиков да фузеев...

Этот разговор был еще в двадцатых годах, в которые, как мы считали, животный мир в наших лесах и озерах был богат и разнообразен. А каково положение теперь? Сравнивая даже с двадцатыми годами, скажу откровенно: оно усугубилось до неузнаваемости. В прошлое лето мне удалось побывать в лесах и заглянуть в озера и приозерья Бишкульского, Булаевского и Соколовского районов. Вывод очевиден: состояние животного мира более чем печально.

В поисках грибов я исходил десятки километров по лесам, но так и не увидел, и не услышал, чтобы из-под моих ног «сполохом» вылетел хотя бы один косач. Поредели раскатыстые «хотушки» белых куропаток, не слышно таинственных голосов перепелок и серебряных трелей жаворонков. Не звенят леса от предупредительных переключек иволг.

Кажется, совсем недавно еще, когда подъезжаешь к озеру, то, как по тревоге, тебя встречает множество интересных, не умеющих плавать, но преданно любящих озера чибисов. Они круто поднимаются, а потом, с криками «чън-вы-чън-вы» пикируют, как бы охраняя свою самочку в гнезде, но на самом же деле хитро отвлекая вас. Гнездо-то в стороне, да и неблизко. В смятении носятся и авдотки. и кулики. Все они создавали невообразимый, а для человека просто радостный гомон, утверждающий полноту прекрасной жизни на нашей брэнной земле.

Теперь не то. И в лесах, и на озерах просто тревожная тишина, если не брать во внимание чаек, не перестающих день-

деньской базарить над плесом. Возникает вопрос: в чем все-таки основная причина столь прогрессивного уменьшения диких животных за последние годы? Причин, если вникнуть, много. Десять тысяч только официально зарегистрированных огнестрельных стволов в нашей небольшой по размерам области. Десятки разбогатевших современников имеют нарезное оружие с оптическими приборами. Не так уж ограничено и раздолье для любителей охоты. По узаконенным правилам охоты разрешается каждому охотнику добыть за сезон 140 особей (гусей, казарок, уток, крохалей, гагар, лысух, косачей, куропаток, куликов).

Благо, если все охотники добросовестно отстреливают свою немаленькую норму. Но ведь охранники природы нередко жалуются на то, что много еще браконьеров, безжалостных истребителей всего живого. Например, за 1996 год, на месте преступления был пойман 341 браконьер. Но ведь нет сомнения в том, что непойманных больше.

В годы целины бездумно опахали все леса и озера, небрежно обращались с ядохимикатами, от чего была вызвана массовая гибель не только крупной птицы — косачей, куропаток, но и певчих птиц. Зато теперь почти каждое лето на наши прекрасные березовые леса совершаются нашествия вредных насекомых, особенно шелкопряда, уничтожая которого химикатами, уничтожаем тех же птиц. Сейчас не менее страшную угрозу несет бурный и, видать, пока неотвратимый рост легкового транспорта.

Закончу все же воробьями. Еще три года назад на наших зареченских дачах приходилось с ними воевать. Они беспардонно присваивали скворечники, забивали своими гнездами карнизы домиков и недурно питались дачными дарами. Но вдруг (в июле месяце 1993 года) хозяева стали замечать прямо на грядках дохлых воробьев и даже грызунов, а мой сосед пожаловался на то, что у него за одну ночь погибли все кролики. С тех пор на наших дачах появление воробьев — редкое явление. И причина трагической гибели живности осталась почти загадкой. Говорят (предположительно), что будто бы где-то кто-то капустные поля опылял и что яды «утренний туман принес» на наши дачи...

Вот так. Доколе же нам сокрушаться, множа подобные примеры? Ведь внуки и правнуки не простят. С теми же воробьями. Неужели нам еще китайского «опыта» мало?..

ЭХО ЗЕМЛИ

(из области краеведения нашего Приишимья)

выскочил... Земля, сынок, тоже живое существо. У нее тоже всякие болячки бывают – «чирьи» вздуваются, вулканы огненные полыхают, встряски да провалы происходят...

Так, примерно, понимала вся станица Лаптевский бугор. А сам Авдей, как и его предки, исконно считал этот бугор как бы наследованной собственностью и кое в каких мелочах использовал его. Еще дедами, а возможно и прадедами с северной стороны были вырыты небольшие ниши, куда ставили емкости с холодной питьевой водой. Были и разные «печурки» для других мелочей. И что странно. Люди не проявляли особого интереса к истории и ценности бугра. Для них он был просто «кочкой».

Но однажды, в 1919 году, секретарь станичного ревкома Александр Андреевич Григорьевский, человек высокой образованности, ради любопытства побывал на этом бугре, а на очередной сходке станичников высказал свое мнение:

- Это не просто бугор, это – археологическая ценность. Возможно в нем зарыты какие – то предметы, а, может быть, и захоронение вождя или погребение погибших в побоище каких – то племен глубокой старины.

Такое нежданное сообщение вызвало всякие ссуды – да пересуды собравшихся.

- А что, братцы, если нам, да всем скопом, вооружится лопатами, да весь этот бугор шиворот – навыворот? И заглянуть, что под ним, - предложил Андриян Попов. Его многие поддержали.

- Нет, нет, - возразил Григорьевский. – Дело это касается науки и властей города, а может, и области. Поэтому с вашего позволения, я и займусь этим.

Все согласились. Но на этом «история с бугром» была прервана. Вскоре Григорьевский был отозван на работу в Чрезвычайную комиссию, а в дни так называемого кулацкого восстания он был схвачен в селе Токуши, где его в нательном белье, окровавленного водили по улицам, пока он не скончался. Прах Александра Андреевича погребен в братской могиле на Октябрьской площади Петропавловска.

В сороковые послевоенные годы Лаптевский бугор вдруг понравился геодезистам, которые снесли его вершушку и на ровной возвышенной площадке воздвигли деревянную вышку.

Три древние березы исчезли еще в тридцатых годах, а в пятидесятых исчезла и вышка. Новопавловцы говорят, что и березы, а потом и вышка «ушли в топку наших печек».

Недавно я решил съездить и узнать жив ли Лаптевский бугор? Да, цел, и все еще терпеливо ждет наших археологов. Хочется верить – дождется.

А по селу ходила такая байка, что будто бы после той сельской сходки Авдей, будучи на своей пашне, воочию увидел, как вдруг бугор – то разверзся, а из него, с дрекольем да с палицами, невымытое, страшное воинство в атаку на Авдея двинулось. Авдей – то в страхе тягу дал, да как закричал: «Спасите, братцы!». А сам – шмяк с койки на пол. Оказалось, сон ему такой приснился, как потом рассказала жена. А станица ухохатывалась. Сам же Авдей пашню от бугра отодвинул и ходил с оглядкой на бугор – то.

ТАЙНА БЕЛОЙ ГОРЫ.

Дублянка – это тихий уголок природы, расположенный на правом берегу Ишима, напротив села Олышанки, Всего в пятнадцати километрах от города.

Берега и таинственные овражки, опоясывающие этот полуостров, были щедро увенчаны густыми зарослями лугового тала, окутаны цепкими плетями ежевики. А на обочинах таловых зарослей красовались белой кипенью кусты черемухи, рябины и боярки. Особенно укрывали и облагораживали Дублянку могучие тополя.

Новопавловцев прельщали богатые сенокосные угодья. Здесь после весеннего паводка вперемешку с пыреем вспыхивала пламенем желтоцветная, с дивным ароматным запахом вязель, от которой коровье молоко считалось самым вкусным.

Название «Дублянка» имеет свою историю. В старину в нашем городе действовали 8 кожевенных и овчинных заводов и кустарных фабрик. Всем им требовались дубильные вещества, а

их крайне недоставало. Вот и набросились предприниматели на заменитель – таловую кору. Стали приглашать новопавловцев, а те, после посевной, охотно шли на приработки – «драть» кору. Бывало, семьями драли, сушили, связывали в пучки, везли на тачках на зенковский и акчуринский кожзаводы, городским кустарям – кожевникам и овчинникам Ивану Буторину, Тимофею Микрюкову, Ивану Рылову и другим.

В прошлое лето мне довелось побывать в Дублянке. Все там изменилось и, к сожалению, в худшую сторону. От активного выпаса скота запашистая вязель исчезла, бывшая старица на середине Дублянки, которая в прошлом кишела карасем, затянулась грязью, обмелела. Крупные тополя еще в годы войны ушли на топку печей ольшанцев. Почти исчезли черемуха и боярка. Но общая красота Дублянки все же сохранилась. Особым украшением ее по – прежнему остается Белая гора, стоящая исполином на крутом повороте Ишима.

В прошлом для новопавловцев и ольшанцев Белая гора была и по сей день остается источником загадок и легенд. То кто – то видел, как на солнечном припеке у подножия горы загорали русалки, то рассказывали, как страшная ведьма прогуливалась и вдруг исчезла в горе, то огненный камень с неба ударил в гору и слился с ней.

- Все это сказоньки, - говорил Роман Колоков, мужик грамотный, - а вот не мешало бы в Белой горе покопаться, уж больно много в ней разноцветных слоев земли. А ведь, небось, в каждом слое когда – то жизнь чья – то была, что – то, небось, произрастало...

И Роман Алексеевич в своих предположениях не ошибся.

Летом 1951 года рыбак – любитель из города Панин сидел с удочкой у подножия горы, а когда повел свой взор по обрыву, то увидел такое, что своим глазам не поверил – в обрыве, после очередного обвала, оголились кости гигантского животного.

Взволнованный находкой, он пришел в музей. Оттуда сообщили в Академию наук республики. В срочном порядке прибыла экспедиция ученых под руководством доктора биологических наук В. С. Баженова.

Было достоверно установлено, что обнаруженные кости –

это скелет мастодонта, обитателя Приишимья в древнейшие времена.

По бивню трехметровой длины можно себе представить, каков был его размер. Все останки доисторического животного были отправлены в Алматы. А Белая гора по – прежнему полна тайн и загадок, которые ждут своих исследователей.

ИШТВАН ТАК И НЕ ВЕРНУЛСЯ...

1919 год. Наше село жило в тревоге, с оглядкой. Людей нещадно косил тиф, рыскали по селу белоказак, что – то вынуживали, кого – то хватали. Потом в домах люди шептались:

- Коммунар из города у Кудашова скрывался. Схватили вместе с хозяином. Расстреляют – сироты останутся.

А с того берега доносился грохот орудий красных полков. Люди вечерами робко выходили на высокий берег Ишима и, затаив дыхание, вслушивались в сотрясающий землю гул.

Переболев тифом, мы с Сережкой Скобиным, томясь от любопытства, неустанно сновали по селу: искали гильзы, брошенные брезентовые патронташи, разглядывали прибывающих и отбывающих военных, выслушивали новости и с аппетитом ели перловую кашу, которой нас иногда угощали молчаливые повара полевых кухонь.

Иштван, военнопленный мадьяр, с которым мы крепко подружились, заболел в один день с Сережкой. И мать Сережкина, моя тетка Софья, уложила их на одну койку. Болели они долго и мучительно. Оба исхудали. Потом стали выздоравливать. Но Иштван поехал за талом, попал под холодный дождь, промок, а когда вернулся домой, то сник и вяло сказал:

- Не могу, хозяйка, не могу. – И снова лег в постель.

Тетка Софья уговорила белогвардейского доктора за два десятка яиц и фунт сливочного масла помочь больному.

- У него возвратный тиф, хозяйка. Дело его – табак.

Доктор выложил несколько пилюль, взял яйца и масло, ушел.

В тот вечер Иштвану (мы называли его Иваном) стало совсем худо. Пилюли не помогли.

Он горел в жару и бредил.

Тетка Софья сокрушалась:

- Неужели помрет, бедняга? Отпеть бы...

Но он не нашенской веры.

- Господи! Что же нам – то делать? – причитала тетка Софья.

А может, нам на пашню уехать, мама? – предложил Сережка и вопросительно посмотрел на Иштвана. Тот подумал, покачал головой и сказал: «Нет»

- Ножик, ножик давай, Сережка! – кричал он в бреду, а под вечер, учащенно стал дышать, и все мы старались расслышать: что он беззвучно шептал на своем языке, то и дело облизывая опаленные жаром губы.

В эту ночь я остался у Сережки ночевать. Мы долго не могли заснуть. Грохот войны был совсем рядом. В кухонное окно мы пристально смотрели, как на том берегу в нескольких верстах вспыхивали разрывы снарядов, а по замершей улице, постукивая каблуками английских сапог и колесами бричек, кухонь и пушек, все шли и шли белые. Иногда кто – то из них забегал в дом, просил напиться или закурить. Помню, как один забегал, осмотрел комнаты и, показав на Иштвана, спросил:

- Дезертир?
- Пленный. Помирает уже, отпетый, - сказала тетка Софья.

Белогвардеец подошел к тетке поближе, поглядел на нас и, широко улыбнувшись, доверительно спросил:

- Прячете? До прихода красных...
- Да ты что, милый! Ступай себе мимо, да не буглачь нас, и так в страхе души не чувствуем...
- Ну, что ж. Найдутся добрые люди. А только зря страшитесь. Большевики – свои люди, - сказал он и ушел. А через два дня, когда уже красные пришли, мы с Сережкой бегали на гору смотреть расстрелянных белыми и увидели этого солдата.

Мы часто подходили к Иштвану, вслушивались в его еле слышные редкие вздохи. Тетка Софья зажгла в горнице свечку, установила ее возле иконы и страстно молила бога за упокой души Иштвана. Сережка не спуская глаз с умирающего, слезно говорил:

- Вот помрет, а дома у него мать есть, Анной зовут. И невеста – Марийка, сам он говорил нам...

Мы улеглись на печку. В темноте долго не спали, все прислушивались и, наконец, крепко уснули.

Проснулись, было уже светло. Сережка шепнул мне:

- Слышишь, как тихо... Не стреляют.

И вот тут – то до нас донесся спокойный голос Иштвана:

- Сережа, меня пои. Карюху пои..
- Живой! – так и крикнул от радости Сережка. А мать его в чем спала, в том и выскочила из горницы. Сережка тоже соскочил с печи, схватил ковшик и босиком сбежал в сени за водой. Но мать выхватила ковш и сказала:

- Опять простудится. Подожди, Иванушка, вода потеплеет, потом попьешь.

А через полчаса мы, не веря своим глазам, смотрели в окна, как красноармейцы прямо перед окнами Сережкиного дома расставляли по линейки свои пушки, под их колесами звучно хрустел свежий снег. Потом к нам постучались. Вошли два красноармейца и, как мы узнали после, комиссар части.

- Здравствуйте, хозяева, - весело сказал комиссар.
- Добро пожаловать, проходите, - робко сказала тетка Софья.
- Что, небось страшно?
- Да, пугали тут нас.
- Знаем, что пугали... Хорошо, что не испугались, - сказал командир и подмигнул нам с Сержкой, а когда увидел на койке Иштвана, то нахмурился и грозно спросил:
- Беляк?
- Да нет. Это пленный. Хворый он, чуть вчера не помер, а сегодня бог помог...
- По – русски разговаривает?
- Слов десять знает.
- А ну, Драгмир, попробуй, не земляк ли твой.

Один из красноармейцев, наклонившись к нашему Иштвану, что – то спросил, но Иштван помотал головой и тихо сказал:

- Мадьяр...

Комиссар приказал красноармейцам отыскать в части одного из венгров, но их прибежало двое. Один рядовой, другой – командир. И все мы поняли, что эта безгранично радостная встреча земляков была для Иштвана лучшим лекарством. Услышав родную речь, он, преодолевая слабость, сел и прослезился.

ся. Земляки разговаривали наперебой, долго. В непонятной нам речи то и дело слышались знакомые слова: «большевик, коммунар, свобода, интернационал, Ленин...». А когда земляки ушли, Иштван, продолжал сидеть и не замечая нас с Сережкой, что – то мечтательно пропел на своем языке, а потом радостно крикнул:

- Эй, казайка, эй, Сережа!

Когда мы все приблизились к нему, он, ткнув себя в грудь, сказал:

- Я Иштван – большевик. Он что –то еще, улыбаясь, пламенно говорил на своем языке, делая ударения на словах «большевик», «Ленин», «свобода».

На второй день мы помогали слабому еще Иштвану плести плетень. Пришло несколько красноармейцев. Они шутили с нами, учили Иштвана правильно выговаривать русские слова. А когда плетень был закончен, Иштван пошел к своим землякам. Вернулся домой поздно вместе с командиром – венгром и... в красноармейской форме.

- Я красный, Сережа, - весело улыбаясь, гордо сказал он, входя во двор.

Через два дня, прощаясь с нами, он на венгерском языке произнес несколько слов, которые нам перевел командир:

- Иштван сказал, что идет сражаться за свободу. Он сердечно благодарен нам за то, что вы ему спасли жизнь. И как только мы победим он непременно вернется к вам.

- Да, да, - радостно подтвердил Иштван.

Командир, звякнув шпорами, пожал всем нам руки. Мать Сережкина всплакнула и сказала:

- Возвращайся, Иванушка, обязательно возвращайся, мы будем ждать тебя.

Но Иштван не вернулся.

Через два года от одного земляка мы узнали, что часть с которой ушел Иштван, стойко сражалась, но где – то за Омском попала в окружение превосходящих сил белых. Оставшиеся в живых были взяты в плен и зверски замучены.

Недавно я узнал из исторической справки о трагической гибели одного из красных командиров – венгров Кароя Лиготи,

который был схвачен и замучен белыми. Я подумал: «А не тот ли это веселый командир, который на прощанье пожал нам руки и не вместе ли с ним погиб наш Иштван, о котором мы с Сергеем Захаровичем до сих пор часто вспоминаем?».

СЛОВО ОБ ОТЦЕ И ЕГО ТОВАРИЩАХ.

...Несколько лет назад наш краеведческий музей попросил меня написать небольшой сценарий для фильма, рассказывающего о памятниках революционной славы города Петропавловска. Все эти «священные» места мне хорошо известны, но не рассчитывая полностью на память, я, вооружившись блокнотом, сел в экскурсионный автобус.

Все шло нормально до тех пор, пока молодая экскурсовод, ознакомив нас с местом расстрела членов городского Совдепа в 1918 году у Пятого лога, вдруг сказала:

- А вон там, за Борками, была казачья станица Новопавловка. Она вошла в нашу историю как бандитское гнездо во время метяжа 1921 года...

Я не стал бы тревожить память отца, его товарищей, а также родную мне в прошлом четырехулочную, подгорную станицу Новопавловку, с ее ветряной мельницей и кузницей на горе и бревенчатыми церковью и четырехклассной школой на косогоре, если бы не эти слова, которые меня потрясли.

В дни крестьянского февральско – мартовского восстания 1921 года мне было 10 лет. Я хорошо помню, как в середине февраля 1921 года из газеты «Мир труда» в станице стало известно, что со стороны Соколовки и Большой Малышки на город ведет наступление «кулацко – бандитский фронт». Сообщалось о зверских расправах, о том, что бандиты силой заставляют вступать в свои ряды, чтобы «вести борьбу за Советскую власть без коммунистов».

Станица затревожилась.

Мой отец, будучи председателем станичного ревкома, собрал сход, зачитал сообщение, посоветовал мужикам: срочно, не оставляя дома ни одного коня, разъехаться кому в город, кому по своим пашням (там почти у каждого была избушка).

Отец наскоро попрощавшись с семьей, уехал. Мать оста-

лась с нами тремя мальчуганами. Я был старшим. Но тогда я еще не понимал, почему отец уезжает от нас. Понимание пришло позже, когда я лучше его узнал.

К концу зимы 1916 года отец вернулся с турецкого фронта. В первые же дни он познакомился с писарем казачьей канцелярии Александром Павловичем Григорьевским и учительницей Анисьей Федоровой Баскаковой. После выяснилось, что в городе их преследовали за революционную деятельность. Казачья же станица была не плохим прикрытием, да и в грамотных людях наше село крайне нуждалось.

В 1917 году, с приходом Советской власти, Анисья Федоровна Баскакова и Александр Павлович Григорьевский уехал в город. В станице же мало что изменилось. Не стало, правда, урядника, присмирела и затаилась привилегированная элита состоятельных, в чьих руках была местная власть. Появилась какая ни есть демократия – атаманом был избран казак из среднего сословия, сослуживец моего отца, Ефим Шумаков.

На второй день белочешского переворота Григорьевский и Баскакова под видом супругов вернулись в Новопавловку. Никто в станице, кроме отца, не знал, что они – профессиональные революционеры и что покинули город, так как там в эти дни всю свирепствовали каратели. С помощью отца Григорьевский и Баскакова снова заняли свои прежние места и на людях вели себя очень осторожно, «вне политики».

В станице оживилась прежняя элита: над советскими активистами нависла угроза. На автомобилях которые сельчане увидели впервые, зачастили в станицу чехи и русские в офицерской форме. В эти дни не то из личных счетов, не то для того, чтобы произвести аресты активистов, в станице было совершено убийство богача Чернова.

Помню, как в наш дом ворвались незнакомые люди из города и обыск начали с кровати. Сбросили постель, а там красное знамя...

- Что и следовало доказать! – радостно воскликнул один из них.

Но, когда развернули его, то прочли: «Да здравствует сельская кооперация!». Сникли, но даже перевернув все вверх дном,

так больше ничего не нашли.

После отец смеялся и говорил:

- Настоящий – то лозунг «Да здравствует Красная Армия!», мы спрятали подальше.

В этот же вечер Александр Григорьевский вручил отцу паспорт на имя Владимира Михайловича Саврана и посоветовал вместе с товарищами, Журавлевым и Севостьяновым, скрыться.

Отец находился в бегах до прихода Красной Армии. Появление его в станице было для всех неожиданным. Как после выяснилось, он скрывался в двадцати верстах от села Красноярки (ныне Соколовского района) на заимке у своего давнишнего друга Захара Евченко.

На другой же день, а точнее – 2 ноября 1918 года, на казачьем сходе в присутствии комиссара военного подразделения (батареЙцев) отца избрали председателем станичного ревкома, а Александра Павловича Григорьевского – секретарем.

Я и не предполагал, что от всех этих событий могли сохраниться какие – либо документы. Только в 1983 году после упомянутой экскурсии я решил спросить в областном архиве, нет ли чего –нибудь о деятельности Новопавловского ревкома? Оказалось, что в фонде за номером 78 сохранилась папка протоколов, написанных в основном на листах махорочной бумаги. Под ними стояли подписи отца и Григорьевского.

Какие же вопросы решались тогда в ревкоме и на сходах? Читаю протокол №1 общего схода от 26 ноября 1918 года. Повестка дня: «Как организовать Соввласть в освобожденных от белогвардейских банд местах (информация А. Григорьевского)». В следующих протоколах: «Как поступить с теми, кто уклоняется от предоставления подвод». Постановили: «каждого уклоняющегося облагать штрафом в сумме 100 рублей без освобождения от подвод», далее слушали: «О положении с топливом», «О выделении леса на гробы», «О сборе на фронт пожертвований», «О помощи погорельцам станице Кривоозерки», «Об организации Комбеда» и. т. д.

Председательствовал отец до весны 1920 года. В связи с тем, что семья наша состояла из 6 душ, а трудоспособных – он да мать, то отец (видно из протоколов) дважды просил освобо-

дить его от должности председателя. Освободили, но членом ревком оставили. В том же году он организовал артель по совместной обработке земли «Пахарь Сибиряк» по соседству с озером Сафонково (теперь это угодья Рощинского совхоза).

Осенью 1921 года отца снова избрали председателем ревкома, а в феврале Новопавловку снова заняли повстанцы.

21 февраля Новопавловка была от них очищена, и к вечеру мужики стали возвращаться домой. Глубокой ночью отец постучал в ставень окна. Мать в слезах от пережитого горя побежала открывать ворота. Проснулись и мы все. Отец радостно обнимал нас и повторял одно и тоже: «Живые, живые!».

В эти же дни на Октябрьской площади города состоялись массовые похороны жертв мятежа. В их числе был и Александр Григорьевский. Его схватили в Токушах, где он занимался заготовками хлеба. Этого доброго, отзывчивого человека оплакивала вся наша станица.

В пьесе «На берегах Ишима», которая два сезона шла на сцене областного театра драмы имени Н. Ф. Погодина, по своей памяти именно с этих людей я и писал образы героев.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «КЕРЕНОК»...

Я хорошо помню керенские деньги. Градом сыпались они на людские головы. Ах, как нелегко было людям привыкать к ним после «николаевок», когда в ходу и в ценности были гроши (0,5 копейки), алтын (0,3 копейки), пятиалтынные (15 копеек), когда за пятерку можно было купить двух баранов, а за десятку – буренку.

Пока крестьяне научились разбираться в невиданном денежном обвале, городские пройдохи нещадно надували их и недурно поднажились. Но простой люд, хотя и без грамотный был, а мудрости в нем хватало. Различать пройдох и порядочных научились быстро.

Помню случай: приехали мы с матерью на базар с капустой, стали в ряд, как это было раньше, она мне и говорит:

- Капусту не раскрывай, пока я не разузнаю, сколько брать за вилок.

Походила по базару, поспрашивала у людей. В ларьках (а

их было много вокруг базара) узнала, сколько купцы берут «керенок» за фунт колбасы, вспомнила и сопоставила, сколько она раньше на «николаевки» могла купить колбасы за вилок капусты, и дело пошло на лад. Торговля пошла, как она говорила, на тыщи, а домой мы привезли миллион с гаком!

Наши петропавловцы в основном занимались выращиванием овощей и смеялись тогда: «На базар короб овощей, а с базара – полкороба денег».

Миллионы эти осмеивали, а все же верили в них накапливали новоявленные банкноты в кубышках, сундуках, за божницами, а те, кто побогаче, набивали мешки. Приятно было побыть миллионщиком!

Но те, кто в жизни – с загладом, расходовали их: увеличивали поголовье скота, на свое подворье приобретали плуги, бороны «зигзаг», сено – косилки, лобогрейки и даже самосброски. А кое – кто, в основном из горожан, пускали деньги в оборот: открывали торговые лавки, мини пекарни, колбасные, кузницы, шорные мастерские.

Как ни странно, но были в обороте и в прежнем номинале и старинные деньги – «николаевки».

После поражения колчаковщины, с приходом Советской власти настало время обмена госбанком трудовых «керенок» на новые советские банкноты.

Насколько помню, меняли один миллион на один червонец, что многих обескураживало и они еще крепче припрятавали свои миллионы. Шутка ли – быть миллионером и вдруг стать «сиволапым быдлом». «Нет, говорили они, - погодим. Советы долго не удержаться. Все еще возвратится», - успокаивали себя миллионеры. А тут еще срок обмена был установлен настолько кратким, что при отсутствии телефонной связи и газет во многих селах (об обмене узнавали слишком поздно).

И еще было такое: кто привозил в банк свои трудовые миллионы мешками, тем в обмене отказывали: «Буржуям не меняем». И обиженные крестьяне на своем пути, начиная от города, с гневом и слезами рассеивали по ветру «керенки». Помню, как по основному большемалышенскому тракту, что проходил мимо Новопавловки, все поля были усеяны деньгами.

- Ах, какой я бестолочь! – жаловался отцу один из братьев Бухониных из села Красноярки. Ведь хотел же нанять плотников и соорудить себе ветряную мельницу. Так нет же, замешкал и вот: лопнули мои денежки, как бычий пузырь. Миллиона хватает только на то, чтобы подпалить дрова в печке. И откуда этот Керенский взялся? Напакостил народу, а сам за границу деру дал.

Вообще горе людское было большое.

Вспоминая прошлое и сравнивая их с недавними денежными реформами, кризисными явлениями рынке, часто задумываюсь, а не является ли все это инструментом обогащения известных категорий людей за счет народа?

ТО, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ.

С интересом прочел газетную статью М. Мелёхина «Горячий снег 21 – го года» о крестьянском восстании в нашем крае. Правда и раньше об этом писалось не мало, но ныне акценты, как известно, расставляются иные. Да и что касается фактической стороны события, то не во всем с автором этих материалов готов согласиться.

В статье описываются ночные бои в Петропавловске. Но, по моему мнению, их не было. Ночью крестьяне не оставались в городе, боялись. Автор утверждает восстание было против Советской власти, а мне помнится у восставших был девиз: «За Советскую власть, но без коммунистов». Историки раньше называли восстание кулацким мятежом, но я твердо знаю, что среди мятежников и бедняков, т. н. «голытьбы», было в достатке.

Впрочем, я хочу лишь рассказать о том, что видел сам и слышал от своего отца – коммуниста с 1919 года, председателя Новопапавловского станичного ревкома, а также от других очевидцев.

Учился я тогда в третьем классе. В десять лет ребенок уже многое подмечает, а нас, малолетних, взрослые с казачьих сходок не прогоняли.

Надо сказать, что перед восстанием в нашей станице располагались красноармейцы. Помню, было шесть орудий, полевая кухня. Солдаты помогали крестьянам (в частности, семьям

без мужиков), а те их, конечно, подкармливали домашним питанием. Жизнь была мирной, но беспокойной. В этот период то и дело кто – нибудь из города приезжал. То лектор, то уполномоченные, то продотряды... Разговор, как правило, один: Москва, Питер, Поволжье голодают, надо помогать. Отец унес подушку в ревком, там ночевал, а мы с братишкой носили ему еду. Чуть ли не ежедневно бегали по селу так называемые «десятники», приглашая на сходки. Но все же это был мир.

А 11 февраля все переменялось. На сходке объявили: «Война! Со стороны города Ишим к нам движутся взбунтовавшиеся крестьяне. Убивают по пути коммунистов и комсомольцев, их семьи, а также сочувствующих. Мятежники уже в Ольшанке. Завтра будут здесь... Надо дать им отпор.» Но наши мужики взволновались: как против своих же? Мой отец тоже поддержал их: «С лошадьми езжайте на свои пашни, в леса, а отпор пусть город дает... И красноармейцы».

Отец, оставшийся с военным гарнизоном села, позже рассказывал: «Встретили восставших напротив нынешней Березовки. С батарейцами (так называли солдат крестьяне) был уговор: ни в село, ни в людей не стрелять. Ограничится только заградительным огнем. Закрепились мы на возвышенности. Чуть забрезжил рассвет, в бинокль видим толпы людей и несколько верховых, размахивающих шашками. Мятежники были вооружены и дробовиками, и пиками, и вилами.

После предупредительного выстрела мы послали навстречу с ними двух парламентаров. На наших глазах их изрубили. Да так, чтобы мы видели неудержимую злобу... Тогда все шесть пушек грохнули в заградительных целях. Но мятежники, видимо, убеждаемые главарями, что в них стрелять не будут, упорно шли к нам. Поскольку было запрещено стрелять в людей, красноармейцы отступили в город».

Отец заехал домой, всех нас поцеловал и тоже умчался, а тут как раз нападавшие пожаловали. Нам повезло. Мятежники из Красноярки знакомыми оказались, на ночевку раньше к нам заезжали, чтобы утром на базаре в Петропавловске быть. Вот они что сказали: «Семьи коммунистов вырезают без жалости. Нас насильно впутали. Надо сейчас быть ниже травы»...

День воевали в Петропавловске, а вечером возвращались:

боялись ночевать в городе. В Новопавловку пригоняли после каждого боя окровавленных пленных. В основном, молодых парней. В помещении ревкома заседали бородатые старики, они и судили: всех в расход.

Подгоняли пленных к обрыву берега и молча кололи пиками, сталкивали на лед. Помню и такую картину. Обезображенных двух мужиков возят по селу и кричат: «Смотрите, люди добрые, как большевики с пленными расправляются, а ваши удалые казачки попрятались. И они дождутся. Думаю, никто не верил в этот маскарад. Руководителей крестьянских отрядов бесило, что в Новопавловке, а тогда это было большое село, остался всего один мужик – Илья Кудашев. Ему сказали: «Или с нами, или голову на чурку – оттяпаем». Остался Илья, потому что не знал о восстании, не был на сходке. Он не коренной житель, приезжий кустарь – шорник.

Конечно среди восставших были люди в основном неграмотные. Такая деталь. На построении дают команду «НАЛЕВО», а многие поворачиваются направо. На вопросы, какой роты, батальона, отвечают: «Вагулинские мы», «Желяковские мы»...

14 февраля вечером вернувшиеся из Петропавловска боевики привезли мешки с продуктами, вещами. Нам, мальчишкам, удалось утащить по шапке сахара, по куску сала и вещи кое – какие. Конечно, мы понимали, что крестьяне грабят в городе, а сахар все же был для нас тогда редкостью – вот и не удержались от воровства.

Отец позже вспоминал: «В городе поняли тактику восставших и всю ночь готовились к отпору. К нашему счастью, из Омска прибыли бронепоезд и кавалерия. В то время действовала ветка для вывозки песка из Борков, поэтому бронепоезд можно было использовать. Но мы убеждали команду бронепоезда и кавалеристов, что наносить удар по Новопавловке нельзя. Для военных ведь это было «бандитское гнездо». Убедили. Решили попугать. Вокруг села несколько снарядов взорвалось. Но мятежники не испугались, пошли в атаку. Даже заградительные выстрелы не подействовали. Пришлось открыть огонь на поражение. Крестьяне пустились в бегство, началась паника».

Из окон мы хорошо видели центральную улицу. Ворота все

люди позакрывали, поэтому мятежникам трудно было вбежать во дворы при паническом бегстве. Конечно красные кавалеристы рубили налево и направо. Большой проблемой потом стало собрать убитых. Новопавловцы наотрез отказались это сделать, пришлось ревкому прибегнуть к помощи военнопленных венгров, бывших в работниках у крестьян.

В целом 16 февраля с отрядом повстанцев было покончено, однако мелкие группы из лиц, боявшихся возвращения домой, долго еще разбойничали. Особой жестокостью отличалась группировка под командованием унтер – офицера Бардакова.

Воспоминания эти мне хотелось написать не для того, чтобы давать оценку действий участников восстания или тех, кто его подавлял. Совсем нет. Желание у меня еще раз сказать людям, что нам следует учиться жить в мире и согласии, а в этом пусть помогают нам, современникам, уроки истории, опыт старших поколений.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ.

В 1931 году как-то неожиданно в нашем городе поступил в широкую продажу исторический роман "Горькая Линия" тогда еще молодого, малоизвестного писателя - нашего земляка из Пресновской станицы Ивана Шухова. В то время у нас был настоящий литературный голод. Единственный в городе книжный магазин был полупустым. Роман Ивана Шухова шел нарасхват. Мне тогда повезло: в момент покупки книги ее автор находился в магазине. Как и многим горожанам, мне удалось заполучить драгоценный автограф писателя. о котором в те дни очень тепло отзывались печать и радио.

Меня с первой же страницы книга заворожала тем, что в ней мастерски описывается то, что я много раз слышал от отца и новопавловских станичников - это момент возвращения домой полков сибирских казаков Горькой Линии, отслуживших пять лет в Семиречье на границе с Китаем, а потом, преодолевая раскаленную августовским солнцем Голодную степь, двигавшихся домой. Прочитав «Горькую линию», я совершенно по-иному стал видеть то, что повседневно окружало меня в казачьем быте, тот своеобразный уклад станичников, их характеры, привычки, завидную выносливость и живучесть, щедро выплеснутых

автором в лирические живописные картины.

В конце тридцатых годов я работал в областном управлении кинофикации. Пригласил меня к себе начальник Г. П. Михайлов и спрашивает:

- С писателем Иваном Шуховым знаком?
- Только по его произведениям.
- Не густо, а еще сам пописываешь, в литобъединении состоишь. В общем, дело такое. На днях в кинотеатре "Ударник" состоится премьера фильма "Вражьи тропы" по его роману «Ненависть». Нам надо хорошо подготовиться к встрече писателя и создателей этого фильма. Руководство области и города непременно пожалуют к нам. Так что, дай Бог, если наш балкон вместит всех.

В общем, как - никак, а при этой встрече удалось взаимно обменяться рукопожатием с уже широко известным и в то же время простецким парнем. Да, тогда он был еще молод и выглядел деревенским парнем, хотя в костюме современного покроя. Зал кинотеатра был до отказа заполнен. Иван Петрович в окружении местной администрации был усажен на первом ряду балкона. Со сцены один из создателей фильма рассказал о фильме и объявил о том, что наш земляк-писатель здесь —«вон он, на балконе!». И зал «взорвался» от аплодисментов.

Будучи уже хорошо известным писателем Шухов однажды по договоренности с нашим руководителем литературного объединения Андреем Кияницей приехал из Пресновки для того, чтобы прочесть нам одну из глав нового произведения, над которым он тогда трудился. Не помню фамилию женщины-члена литобъединения, которая прочла нам эту главу. После чтения наступила заминка: все молчали, переглядывались, а Иван Петрович ждал отзывов, критики. Андрей Кияница призвал нас: не стесняться и смелее высказывать свои критические замечания. дать советы автору. Но в выступлениях критики не случилось, произведение всем понравилось, но, хотя и незначительные, а замечания, подсказки были.

Вот и я тогда, волнуясь, робко, не совсем уверенно высказал свое замечание, а именно: любясь прелестью березового колка, герой произведения, как повествует автор, с восхищением взирал на кроваво - красное поле костянки.

- Такой эпитет не привлекает, а отвращает от вкусной ягоды костянки, - выпалил я.

Писатель не возразил.

А в августе 1948 года, когда у нас с ним совпал полет в г. Алма-Ату в одном самолете, Иван Петрович усмехнулся и сказал:

- Помню, как ты меня ущипнул за «кровавую» ягоду - костянку. Так что учел я твоё замечание.

Он летел домой, а я - на республиканский семинар - совещание кинорботников. Летели мы до Алма-Аты почти двое суток. Американский военно - десантный самолет «Дуглас», даренный нам по окончании войны, оказался неисправным и даже аварийно - опасным. В Акмолах он приземлился набок. Его правое крыло коснулось ковыля. А когда мы сошли с трапа, то узнали недобрую весть: такой же самолет при полете из Алма-Аты до Петропавловска в районе озера Балхаш в воздухе развалился и все пассажиры погибли.

У нас с Иваном Петровичем времени было достаточно, чтобы ближе познакомиться. Почувствовав его дружеское расположение, я тут же вынул из своего чемоданчика одноактную пьесу «Кум» о колхозной жизни. Написал я ее еще перед самой войной. После двухкратного чтения в коллективе нашего театра она, была одобрена и принята отделом искусств облисполкома для постановки в самодеятельных драмкружках. Но помешала война и пьеса света так и не увидела. В пути от Акмолы до Караганды Иван Петрович прочитал ее, а потом молча вернул мне. Он молчал и я молчал. В предвечерней Караганде также была вынужденная посадка. Нам сказали: «Не летим. Самолет становится на ремонт». Усадили нас в кузов полуторки и отвезли в гостиницу.

Когда мы ужинали в ресторане гостиницы, выпили горячительного.

Иван Петрович весело спросил:

- Ну и кому же ты везешь свое творение?
- Дому народного творчества. Возможно, распространят, - ответил я. - Посоветуйте.
- Советую. Положи на дно чемоданчика, а дома - в

корзинку.

- Но ведь пьеса признана и принята была.
- До войны принята. Тогда время другое было, оно было в ладах с твоей пьесой, а теперь оглянись, да начинай мотыжить все заново. Такова наша писательская судьба.

Я так и сделал, но не дома, а тут же в гостинице. Нашлась корзина. После этого у нас с ним были еще мимолетные встречи, особенно в целинных районах. Не трудно было догадаться: выполнял он свой писательский долг в одной упряжке с целинниками. Запомнилась встреча в селе Марьевка, куда мы, Борис Петров, Август Гусинский и я, приехали по заданию обкома партии для участия в выпуске спецномера районной газеты «Трудовое знамя», посвященного лучшим механизаторам, приехавших на уборку из разных краев страны. В районной столовой мы заказали завтрак и вдруг, словно приведение, возле нас появился Иван Петрович.

- Ага, промышляете, - улыбнувшись сказал он и попростецки присел к нашему столу. Подошла официантка, подала ему меню, но он не взял, а попросил:
- Если можно, чайник густого чайку, стаканчик сливок и печенюшек.
- Можно, Иван Петрович, можно, - и поспешила на кухню.

Мы поняли, что он тут не впервые. В разговоре мы узнали, что отсюда он спешит в свою Пресновку.

В 1977 году меня и Рашида Бадарленова пригласили на республиканский семинар драматургов. Руководил семинаром литературный консультант Союза писателей Казахстана Н. С. Ровенский. В беседе с нами, он спросил меня:

- Почему Вы не просились в члены Союза писателей?
- Да какой из меня писатель? – отмахнулся я.
- Не прибедняйтесь. Достаточно Ваших «Берегов Ишима», чтобы принять Вас в писатели. Заковыка в другом. Надо три рекомендации, а у Вас в богатой талантами области осталось только два члена Союза – Галым Малдыбаев и Зайнел – Габи Иманбаев, но зато в Алма – Ате ваших земляков много – Дмитрий Снегин, Андрей Кияница. Кстати, Ваши «Берега Ишима» Пресновский народный театр в Алма – Ате на фестивале ставил и занял второе место в республики, о чем

Иван Петрович Шухов в курсе. Он Вас знает?

- Да, знает.
- Он сейчас приболел и находится дома. Попроведали бы земляка.

Этим Ровенский намекнул мне: попросить у Шухова третью рекомендацию. Два дня я колебался, а на третий, проходя мимо жилого дома писателей Казахстана, все же решил зайти. Иван Петрович, разумеется, не ждал гостя, и открыл мне дверь, находясь без рубахи. Нетрудно было догадаться: с постели поднялся. Вид его был – не позавидуешь: худ, бледен, в глазах тоска. Поздоровались без рукопожатий. «Вот уж принесло меня,» – подумал я и тут же начал сбивчиво оправдываться: вот, мол, шел, шел да решил по – землячески попроведывать Вас. Он поблагодарил меня, пригласил к столику, на котором стояла ваза с печеньем и чайник, но я отказался, еще и еще извинялся за вторжения, пожелал здоровья, пригласил приехать в родные края и ушел.

А вскоре все средства информации сообщили о кончине Ивана Петровича, оставившего нам и нашему потомству свой полувековой труд самобытного писателя.

ТАКИМ ОН ОСТАЛСЯ В НАШЕЙ ПАМЯТИ.

Многие годы я дружил с Борисом Николаевичем Петровым. Мы в одно и то же время – в 1946 году – демобилизовались из армии, вместе оказались на партработе, затем встречались на вечерах литературного объединения при редакции газеты «Ленинское знамя», а в годы освоения целины – в межобластном отделении Союза писателей Казахстана, которым он руководил.

Поражала его осведомленность. Он, лектор обкома партии, хорошо знал историю, экономику и перспективу развития области, знал хозяйства и их руководителей.

Когда известная в мире австралийская писательница Димфна Кьюсак в одной из поездок по хозяйствам через переводчицу спросила, есть ли ее книги на целине и читают ли их, Борис Николаевич не растерялся, а улыбнувшись ответил:

- Книги Ваши в библиотеках встречаются. Люди наши вообще много читают.

В первой же сельской библиотеке он нашел ее роман «Жаркое лето в Берлине». Подал ей. Книга была изрядно потрепана читателями. Писательница пришла в невообразимый восторг и воскликнула:

- О, меня читают русские!
- Не только русские но и украинцы, казахи, татары, немцы, - с гордостью добавил Борис Николаевич.
- У вас есть немцы?
- Много, - ответил он и тут же, чтобы убедить ее, созвонился с кем нужно, и попросил внести некоторые изменения в наш маршрут. А на другой день мы приехали в село Петерфельд (колхоз имени 21 партсъезда), где познакомив гостью с хозяйством, колхозники устроили в ее честь радушный прием.

Бледнолицая, невысокого роста, весьма подвижная, писательница с восхищением рассматривала розовощеких, жизнерадостных хозяев застолья. В непринужденной обстановке Кьюсак пыталась объяснить на путаном немецком языке, что вызвало общий веселый смех. А в дороге она спросила:

- Мистер Петров. Как вас понять? Вы воевали с немцами четыре года, а у вас, вместо вражды, какая - то семейная дружба?
- Уважаемая миссис Димфна! Мы сражались с фашизмом. А это наши, одной социалистической семьи люди, которые тоже пережили нелегкое бремя войны.

В дороге Димфна Кьюсак часто просила Бориса Николаевича остановить машину. Она с восхищением рассматривала березы, обнимала и целовала их.

- Какие белые! - воскликнула она по - английски, заходила в высокую колосистую пшеницу, просила переводчицу сделать очередной снимок в поле. - Я ехала сюда через Англию. У меня там много друзей. Они обсуждали мою поездку и утверждали, что Казахстан - это пустыня. Теперь я покажу им, какая это пустыня, - не без гнева говорила она.

После этих поездок австралийская писательница в знак уважения к Борису Николаевичу попросила его навсегда оставаться другом, а вскоре прислала ему только что вышедшую в свет ее книгу с теплыми дарственными словами.

По мере выхода в свет таких произведений Б. Н. Петрова,

как повести «Светлый край», «Выожженная неделя», «Огни Аксуата», «Листопад», «Березовые острова», у него завязывалась и расширялась дружба с такими известными писателями Казахстана: Сабитом Мукановым, Иваном Шуховым, Габитом Мусреповым, Федором Моргуном, Сырбаем Мушленовым, Дмитрием Снегиным, Николаем Аноным, Украинцы Олесем Гончаром, Михайло Стельмахом, сатириком Василием Большаком; Российской Федерации: Сергеем Залыгиным, Афанасием Коптеловым, Саввой Кожевниковым, Сергеем Марковым, со многими вел дружескую переписку. В его библиотеки хранились личные книги с их дарственными, полными сердечных чувств, автографами. «Близкому мне по нашему чувству к родным местам и людям нашего Северного Казахстана - казаку от казака, - пишет Иван Шухов. «Борису Петрову - земляку и собрату по оружию». Д. Снегин. «Дорогому Борису Николаевичу с моими наилучшими пожеланиями» - пишет из Австралии Димфна Кьюсак.

По его инициативе не раз проходили встречи местных литераторов с рабочими совхозов, предприятий, и, особенно, с хлеборобами. Такие встречи, в которых и мне приходилось участвовать, проводились в Возвышенском, Сергеевском, Тимирязевском, Пресновском и др. районах, в областном центре.

Под его редакцией в 1960 году в Петропавловске был издан сборник произведений местных прозаиков и поэтов под названием «Зори над степью».

В этой коллективной книжке, которую сейчас можно взять прочитать в наших библиотеках, собраны произведения 23 североказахстанских авторов.

Тогда на собрании литобъединения, Борис Николаевич, высоко подняв этот небольшой по размеру, но удачно оформленный свежий экземпляр сборника, сказал: «Это первый рейс авторов сборника в литературу».

В области не было в то время хозяйства, где бы не побывал писатель Петров и не вложил частицу своего труда как лектор, общественник, журналист. Об этом написано в предисловии к посмертному изданию большого сборника его произведений, вышедшего в 1975 году под названием «Утро»

... Два года к нему приходила медицинская сестра и при-

глушала уколами невыносимую боль, два года он продолжал трудиться в спецкресле, куда усаживали его жена и дети. Он хорошо понимал всю серьезность и неотвратимость своего положения, но никогда не жаловался. А продолжал трудиться над романами «Воскресный наряд» (выпущен издательством «Жазуши» в 1970 году) и «Затмение», над окончательной доработкой которого в расцвете творческих сил и оборвалась его жизнь.

ОЩУЩАЯ ПРОШЛОЕ.

Хорошо помню то время, когда была организована наша Северо – Казахстанская область.

В августе 1935 года, попав под сокращение коопхозе ЦРК «Рыбное», я три дня, не имея хлебной карточки, бродил по городу в поисках работы. И вот счастливый момент! На краснокаменном одноэтажном здании я увидел вывеску: «Кинотрест Карагандинской области». Наконец – то удалось устроиться на должность счетовода – с обязанностями выездного ревизора на киноустановках.

- Недельку здесь со мной поработаешь да освоишься – и в Атбасар. Там припахивает хищением выручки в кинотеатре и на кинопередвижках. Добираться будешь на попутном транспорте – от села до села, - сказал главбух Василий Павлович Ушаков. Кстати мой земляк из села Пеньково.

До этого, работая в сельской местности, я расплывчато понимал о размерах и сложностях нашей, тогда еще Карагандинской, области. А размеры ее, по теперешним меркам были, что называется, аховские – область простиралась что называется от берегов озера Якуши – на границе с Тюменской областью до озера Балхаш с областным центром в Петропавловске!

Короче говоря, область практически была слабо управляемая, с большой климатической, социально – бытовой и экономической контрастностью. Не было благоустроенных дорог, транспорт в основном был гужевой. До Атбасара моя поездка продолжалась двое суток, и это считалось удачей. В это же время шахтеры Караганды закончили строительство долгожданного кинотеатра «Октябрь» и пригласили на приемку нашего начальника Георгия Павловича Михайлова, а он решил «махнуть на грузовом «газике». На его поездку по проселочным, тряским и

топким дорогам ушло две недели, а по возвращении он, вместе с шофером, от таких мытарств серьезно заболел.

В таком необъятном пространстве у нас часто терялись кинопередвижки. Попутный транспорт нередко, нарушая маршруты, завозил их туда, где «Макар телят не пас» – совсем в противоположную сторону.

На такой географический беспредел жаловались тогда все областные ведомства.

И вот в 1936 году произошло большое событие: нашу область на две третьих уменьшили и назвали Северо – Казахстанской. И хотя в нее тогда еще входила будущая Кокчетавская область, все же она, на наш взгляд, была наиболее компактное, однородной и лучше просматривалась.

Этот год, без ошибки, можно назвать годом просветления нашей навой области – особенно в культуре. Были созданы районные отделы кинофикации, резко увеличилось число киноустановок. Если до этого во всей Карагандинской области насчитывалось 62 киноустановки, то к осени в нашей уменьшенной области было 65.

Характерно, что в этом году мы получили и широко показывали населению много новых фильмов – шедевров того времени. Например, новый фильм «Путевка в жизнь», вызвавший неопишуемый фурор среди населения области. За ним – «Чапаев», «Пышка», «Мы из Кронштадта», «Гроза», «Депутат Балтики», «Юность Максима» и др.

В области оживилось самодеятельное и театральное искусство. Например, известная у нас в области театровед Зинаида Игнатьевна Басаргина в своей книге «Северо – Казахстанскому областному театру 50 лет» пишет: «В 1936 году Казахстанский театр сформировался в достаточно сильный творческий коллектив, которому по плечу оказалась постановка пьесы М. Ауэзова на тему о народном восстании 1916 года «Тунги Сарян» («Ночные раскаты»), затем «Амангельды» Г. Мусрепова, «Быздын жигиттер» Б. Майлина, «Эилик – Кебек» М. Ауэзова, «Аркалык» Ж. Шанина, «Каменный гость» А. С. Пушкина.

Петропавловский театр в том году объединял русскую и татарскую труппы, потом русский и казахский состав. Вскоре

казахская труппа выросла настолько, что ее, к большому сожалению, в полном составе навсегда перевели в город Гурьев.

Война, конечно, нанесла огромный ущерб культуре и, в частности, кино нашей области. На кинопередвижках по селам «скитались» на попутном транспорте, в основном девушки или подростки. И все же было большим праздником в селе, если привезут кино, хотя бы один раз в месяц.

Но как только закончилась война, то некоторые воензаводы были переведены на выпуск гражданской продукции, и, в частности, Киевский «КИНАП», что называется, «забросали» страну новыми марками прекрасной киноаппаратуры. В стране были задействованы 22 киностудии, создающие фильмы. И наша область (уже без территории, отошедшей в 1944 году, ко вновь образованной Кокчетавской области), в семидесятых годах имела 642 постоянно действующие стационарные киноустановки. Мы ежемесячно получали 15 – 20 новых художественных фильмов и в каждом селе демонстрировали по 18 – 20 киносеансов в месяц. А какие фильмы! Их с удовольствием люди смотрели: «Летят журавли», «Тихий Дон», «Баллада о солдате», «Война и мир», «Анна Каренина», «Тревожная молодость», «Верные друзья», «Отелло», «Сорок первый», «Дело было в Пеньково».

Нельзя было не видеть, как за все прошлые годы она неуклонно укреплялась в промышленности и в сельском хозяйстве, рос и благоустраивался наш областной центр, хорошели села, возрастал культурный уровень населения.

Однако годы перестройки отрицательно сказались на состоянии кинообслуживания населения. Это произошло не только в нашей области, республике, но и во всем СНГ. Никогда еще кино не находилось в таком бедственном положении. Производство картин, по сравнению с благополучными годами, упало в десять раз! По сведениям российской печати, в эти дни: «На студии «Мосфильм» снимается всего одна лента, хотя даже в застойные времена в ней производилось 50 фильмов в год». По существу, не стало и «Киноснаба» – аппаратуру приобрести негде, да и не на что, даже если бы она производилось.

Когда будет остановлено такое катастрофическое падение кино в системе СНГ, предсказать пока невозможно. Очевидно, не скоро.

АННОТАЦИЯ

книги М. М. Аверина "Благодарение памяти".

Книга М. М. Аверина "Благодарение памяти" состоит из 3-х разделов: 1. Новопавловские были, 2. Непреодолимый зов, 3. Эхо Земли.

В первом разделе: "Новопавловские были" помещено 17 рассказов о жизни, быте казачества станицы Новопавловской – одной из самых старых станиц Северного Казахстана. В коротких бытовых рассказах автор повествует о неординарных случаях в жизни обитателей станицы, о истоках исконной дружбы русского и казахского населения, о проблемах топонимики края...

Во втором разделе: "Непреодолимый зов", где помещено 12 рассказов, автор делится с читателем своими раздумьями и воспоминаниями о природных богатствах края, его животном и растительном мире, о взаимоотношениях человека и природы, о воспитании бережного отношения к окружающей среде.

В третьем разделе: "Эхо Земли". Смутные годы в Новопавловке", где автор поместил 11 рассказов, главное место занимают события времён революции и гражданской войны, воспоминания о НЭПе, крестьянском восстании 1921 года и его жертвах.

Рассказы М. М. Аверина – это достоверные воспоминания очевидца, написанные в увлекательной художественной форме. Они существенно дополняют документальные источники по истории Северного Казахстана и могут быть использованы как учебное пособие историками и краеведами

Редактор книги

В. И. ТРУСОВ

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОПАВЛОВСКИЕ БЫЛИ	3
ЧУГУН – ГОЛОВА.....	5
НОВОГОДНЯЯ НОВОПАВЛОВКА.....	8
КУЛАГА.....	10
✓ ЧУГУНКА.....	12
✓ РУСАЛКА.....	14
ВЯТСКИЕ – РЕБЯТА ХВАТСКИЕ.....	18
БЫЛОЕ СТАНИЦЫ.....	21
КАЗАЧЬЯ ДОЛЯ.....	24
ПЛЕННЫЙ ТУРОК.....	30
ВСЕ ДЛЯ ДУШИ.....	33
МОРКОВНЫЕ ШАНЬГИ.....	36
ТИФОЗНИКИ.....	37
АВСТРИЯКИ.....	40
КАК ИСЧЕЗАЛИ СТАНИЦЫ.....	43
НЭП В МОЕЙ ПАМЯТИ.....	48
ОСТОРОЖНО – ИСТОРИЯ!.....	52
УЛЫБКА С ЯМОЧКАМИ НА ЩЕКАХ.....	54
МОЙ ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ.....	62
НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ЗОВ	63
ПООХОТИЛИСЬ.....	64
НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ЗОВ.....	66
О, ХИТРЫЕ ЧИБИСЫ!.....	67
У ГЛУХАРЯ – ОСОБАЯ ЛЮБОВЬ.....	69
КРЫЛАТЫЙ ВЕСТИНИК ВЕСНЫ.....	73
ЗМЕИНАЯ ГОРА.....	74
КОРОТКАЯ РАДОСТЬ.....	76
КОГДА ПРИЛЕТЯТ К НАМ ЛАСТОЧКИ?.....	77
ЛАСКА – ТАИНСТВЕННЫЙ ЗВЕРЬ.....	78
КУДА ИСЧЕЗАЮТ ГОЛУБИ?.....	79
КОГДА ОКУНЬ БРОДИТ.....	80
ОСТОРОЖНО – ВЕТРЕЙЩИЦА!.....	81
✓ ВОДОЙ НЕ РАЗОЛЬЕШЬ.....	82
ПТИЦЫ ЛЮБЯТ СЧЕТ.....	86
ВАСЬКИН ОМУТ.....	87
ПОДАРИТЕ НАМ ПЕСНЮ, СКВОРЦЫ.....	89
И БУДЕТ РАДОСТЬЮ УВИДЕТЬ ВОРОБЬЯ.....	90
ЭХО ЗЕМЛИ	93
ЛАПТЕВСКИЙ БУТОР.....	95
ТАЙНА БЕЛОЙ ГОРЫ.....	97
ИШТВАН ТАК И НЕ ВЕРНУЛСЯ.....	99
СЛОВО ОБ ОТЦЕ И ЕГО ТОВАРИЩАХ.....	103
ВОЗВРАЩЕНИЕ «КЕРЕНОВ».....	106
ТО, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ.....	108
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ.....	111
ТАКИМ ОН ОСТАЛСЯ В НАШЕЙ ПАМЯТИ.....	115
ОПЛУЦАЯ ПРОШЛОЕ.....	118

ISBN 5-7667-8593-3

Выпуск книги обеспечил меценат Е. Мещеркина

Рецензент Член Союза писателей Казахстана Б. Мустафин

Редактор В. Трусков

Художник В. Агафонов

Технический редактор В. Голендухин

Компьютерный набор и верстка В. Шипилин

Тираж 200 экз. цена договорная

